

84(4Вел)
К61

ИОН КОЛФЕР

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

ОТ СОЗДАТЕЛЯ ЗНАМЕНИТОГО
«АРТЕМИСА ФАУЛА»

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

ЛЕГЕНДЫ

(17)

84(4 Вел)
Х 61

ЙОН КОЛФЕР

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

15 2738 / 2

ЭКСМО
Москва
2010

Санкт-Петербург
ИД ДОМИНО

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4Вел)
К 60

Eoin Colfer

THE LEGEND OF SPUD MURPHY

© 2004 by Eoin Colfer

© 2004 by Tony Ross, Illustrations

THE LEGEND OF CAPTAIN CROW'S TEETH

© 2006 by Eoin Colfer

© 2006 by Tony Ross, Illustrations

THE LEGEND OF THE WORST BOY IN THE WORLD

© 2007 by Eoin Colfer

© 2007 by Tony Ross, Illustrations

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление *Андрея Старикова*

*Оригинал-макет подготовлен
издательским домом «Домино»*

Колфер Й.

К 60

Три легенды : рассказы / Йон Колфер ; [пер. с англ. А. Кузнецовой, В. Жужунавы]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 224 с. : ил.

ISBN 978-5-699-41603-5

От создателя Артемиса Фаула! Такого вы еще не читали! Страшнее не придумаешь! Смешнее тоже! В три раза сильнее Кинг-Конга и Геракла, вместе взятых! Всем, вовремя прочитавшим «Три легенды» Колфера, предлагаем в качестве бонуса зловещий лязг зубов страшного капитана Кроу в вашем мобильном телефоне, явление по ночам не менее страшной миссис Мерфи на экране вашего компьютера и порцию красочных снйяков от самого плохого мальчика на свете!

Спешите! Количество бонусов ограничено! На всех не хватит! Не успеете сегодня, не успеете никогда! И очень об этом пожалееете!

УДК 82(1-87)-93
ББК 84(4Вел)

© А. Кузнецова, перевод на русский язык, 2010

© В. Жужунова, перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-41603-5

ЛЕГЕНДА
ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ
МИССИС МЕРФИ

ГЛАВА 1

УРОД ФРЭНК

У меня четверо братьев. Представляете? Пятеро мальчишек обитают в одном доме, и все младше одиннадцати.

Летом, когда начинается дождь, наше жилье трещит по швам, ведь если каждый пригласит в гости хотя бы по паре друзей, то вместе с нами получится не меньше пятнадцати человек. При этом по крайней мере пятеро без передышки орут как сумасшедшие, а остальные то и дело бегают в туалет. Рычаг сливного бачка наши родители меняют раз в три месяца.

Однажды папа пришел домой.

Трое его сыновей и четверо незнакомцев, все в полной боевой раскраске, раскачивались на занавесках в спальне. Обнаружив разграбленную мамину косметичку, папа сказал себе, что с этим надо что-то делать.

Он сдал наших союзников их родителям и сообщил нам, что с нынешнего дня никакие друзья в дом больше не допускаются. Тогда Марти, самый старший из нас, грозно сверкая полосами туши на щеках, заявил, что так нечестно, что это получится наказание только для него одного, поскольку он самый общительный, а у Уилла лучший друг — Супермен...

Уилл — это я. И Супермена я действительно люблю.

Донни, Берт и ПП тоже захныкали. Им-то хорошо, они младшие братья, а младшие братья как раз для того и существуют, чтоб хныкать. Я так понимаю, что теоретически мне то-

же полагается статус младшего брата, но меня все относят к старшей половине семьи.

Один младший брат — уже достаточно плохо, а трое — слишком суровая кара для одного человека. Младшие братья никогда ни в чем не виноваты. Стоит Донни, Берту и ПП* похлопать голубыми глазками да подрожать нижней губой, как им тут же все прощается. Уверен, если кто-нибудь из их троицы загонит мне в голову топор, он отделается жалкими десятью минутами без телевизора да заработает не слишком суровый взгляд. Наши младшие братцы — избалованные вонючки. Тут даже Марти со мной согласен.

— Это просто дурдом,— сказал папа.

— А он главный псих,— сказал я, указывая на Марти.

— С кукловодами не разговариваю,— сказал Марти.

Это был удар ниже пояса.

— Супермен не кукла!

— Цыц! — рявкнул папа и задумчиво присвистнул сквозь зубы.— Надо бы подыскать вам занятие на каникулы. Чтобы убрать вас вон из дому.

* ПП — от слова полупинта (пинта — мера емкости размером с пивную кружку); аналогично прозвищу типа Коротышка.

— Только не моих крошек,— запричитала мама, прижимая к себе банду младшеньких.

Те, понятно, исполнили ей полную программу: большие детские глаза, щербатые улыбки, а ПП даже палец сосать принялся. По-моему, парень вообще стыда не ведает.

— Ну, может, этих троих и не обязательно. Но Уиллу и Марти уже девять и десять соответственно. Их непременно нужно чем-нибудь занять. Чем-нибудь познавательным.

Мы с Марти дружно застонали. Нет ничего хуже познавательного времяпрепровождения. Это же все равно что школа во время каникул!

— Помните последнее познавательное занятие? — Марти совершил попытку нас спасти.— Уроки рисования? Я несколько дней болел.

— Сам виноват,— сказала мама.

— Я же только водички глотнул.

— Воду, в которой все нормальные люди могут кисточки, пить не полагается.

Тем временем папа все раздумывал-раздумывал и наконец выдал:

— Как насчет библиотеки?

— А что? — Я постарался напустить на себя как можно более беззаботный вид, но под ложечкой у меня засосало.

— Вас обоих можно записать в библиотеку. Чтение — это же великолепно! У вас не останется времени на пакости. Все уйдет на чтение книг.

— И познавательно,— добавила мама.

— Чем это познавательно? — Я похолодел от ужаса.— По-вашему, лучше сидеть взаперти и читать про лошадей, а не кататься на них на свежем воздухе?

— Видишь ли, Уилл,— мама взъерошила мне волосы,— порой можно прокатиться только на той лошади, которая у тебя в голове.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

Понятия не имею, что она хотела этим сказать.

— Не заставляйте нас записываться в эту библиотеку,— взмолился Марти.— Там слишком опасно.

— Опасно? Что может быть опасного в библиотеке? — удивился папа.

— В этой библиотеке,— мой старший брат перешел на шепот,— водится Библиотекарша.

— Миссис Мерфи? — изумилась мама.— Милейшая старушка.

Как ни печально, но взрослые знают лишь специальную правду для взрослых. Настоящая правда известна только детям. И уж если кто вышел из детского возраста, он никогда не станет вести себя с нами на равных, поскольку не воспринимает всерьез ни единого нашего слова.

Каждый ребенок в нашем городе знает про миссис Мерфи. Она относится к тем людям, которым мы, дети, стараемся ни в коем случае не попасться на глаза. Ну, вроде мисс Уайт, учительницы с дурным глазом, или старого бродяги Неда Сойера с его слюнявой псиной.

— Она не милая старушка,— заявил я.— Она совершенно психованная.

— Уилл! Нельзя говорить такие гадости.

— Но это правда, мам. Она ненавидит детей, а еще она служила в разведке. Выслеживала детей из вражеских стран.

— Это уже совсем смешно.

— У нее под столом картофелебойное ружье,— добавил Марти.— Пневматическое, а ствол калибром в целую картофелину. Она стреляет из него в детей, если они шумят в библиотеке. Поэтому мы зовем ее Мерфи-Картошка.

Мама совсем развеселилась.

— Картофелебойное ружье! Чего только не придумают, лишь бы не читать.

Йон КОЛФЕР

— Это правда! — возмутился мой брат. — Видели Урода Фрэнка из сорок седьмой?

Мама попыталась изобразить суровый взгляд:

— Не следует называть бедного Фрэнка уродом.

— А знаешь, как он стал таким? Мерфи вцепилась по нему из своего ружья!

Мама замахала руками, словно отгоняя назойливых воробьев.

— Довольно, я больше не хочу ничего слушать. После обеда вы двое отправляетесь в библиотеку, и точка. Я вам сделаю бутерброды.

Мы мрачно застыли посреди кухни. Представляете: с бутербродами против Мерфи-Картошки и ее ужасного пневматического картофелебойного ружья!

ГЛАВА 2

НА КОВРЕ

Разумеется, наши младшие братья едва не лопнули от смеха.

— Приятно было пообщаться,— произнес Донни, церемонно пожимая мне руку.

— Ага,— поддакнул ПП. Он шепелявил из-за дырки на месте переднего зуба.— Пьяфно быво пообффяфя.

Всего-то пять лет — и уже такой наглец.

— Можно я заберу себе твой плеер? — поинтересовался Берт, который успел напаялить мои наушники.

Я стукнул его Суперменом.

— Слышишь, мам? Они нас уже дразнят.

— Они же не имеют в виду ничего плохого,— пропела мама.— Правда, малыши?

— Да, мамочка.

Мама выдала им по мармеладной куколке. Я думал, у меня голова лопнет от такой несправедливости.

— А теперь, Марти и Уилл, ступайте наверх и смойте остатки помады. Через десять минут выходим.

Путь к отступлению был отрезан. Мы, конечно, принялись ныть и умолять и даже сумели продержаться десять лишних минут, но мама осталась непреклонна.

— Библиотека пойдет вам на пользу,— сказала она, крепко пристегивая нас на заднем сиденье машины.— Может, даже чему-нибудь научиться.

Отъезжая, мы бросили прощальный взгляд на наш дом.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

Донни скакал по подоконнику в спальне, разыгрывая специально для нас небольшой спектакль. Он накарябал у себя на футболке слово «Картошка» и строил рожи стоявшей на оконном карнизе маленькой фигурке. У меня аж сердце подпрыгнуло.

Это был Супермен. Донни кривлялся все более яростно, пока не ухватил мою несчастную игрушку за ноги и не принялся дубасить ею по карнизу.

— Нет,— пискнул я.— Останови машину! Донни убивает Супермена!

Мама рассмеялась.

— Ты в своем репертуаре, Уилл. Убивает Супермена! Придумал бы что-нибудь получше.

Через окно было видно, как Берт и ПП бурно аплодируют, а Донни раскланивается.

Нас высадили у библиотеки.

— Я заберу вас по пути домой, когда встречу папу с работы.

Мы молча кивнули, поскольку перепугались так, что у нас отнялись языки.

Мама наставила на нас пальцы, словно воображаемые пистолеты.

— Постарайтесь не попасть под картофельный обстрел, ладно?

Хорошо ей шутить, но нам-то было не до смеха. Мы даже улыбку выдать не сумели. Еще пожалеет, когда вернется и увидит наши разбитые гнилой картошкой лица.

— Давайте, быстро марш наверх. Я подожду здесь. Хочу убедиться, что вы не сбежите.

Каждый из нас про себя тоскливо взвыл. Мы-то планировали отсидеться за домом, но мама оказалась умнее, чем мы думали.

Мы с братом взобрались по бетонным ступенькам к дверям библиотеки, причем Марти погнал меня вперед.

Вы, наверное, недоумеваете, с чего бы вдруг нам так бояться. Спорим, вы подозреваете, будто мы просто пара трусливых, бесхарактерных сосунков, которым лучше бы отправиться домой и заняться вышиванием собственных имен на носовых платочках.

Но на самом деле это все потому, что вы верите, будто библиотеки — это такие счастливые интересные места, где добрые библиотекари по-настоящему любят детей.

Может, в большинстве случаев так и есть, но только не в нашем. Здесь серьезные люди читали серьезные книги и никому не позволялось проявить даже намек на улыбку. За улыб-

ку могли спустить с лестницы, за простой смешок — прямой наводкой окучить из картофе-
лебойного ружья, а уж об участи тех, кто имел
неосторожность засмеяться по-настоящему, за
стены библиотеки даже слухи не просачива-
лись. Вот куда нам предстояло попасть.

Из дверей библиотеки прямо на Марти вы-
летел маленький мальчик. Из глаз у него текли
слезы, и его явно кто-то недавно оттащил за
шарф.

— Не ходите туда! — закричал он, вцепив-
шись моему брату в свитер. — Ради бога, не де-

Легенда об очень страшной миссис Мерфи
лайте этого. Я всего на один день опоздал сдать
«Пятеро на пике Контрабандистов». Всего на
один день! И посмотрите, как она со мной обо-
шлась!

С этими словами несчастный сбежал вниз,
волоча за собой измятый шарф, и только лужи-
ца слёз на крыльце осталась подтверждением
того, что он нам не привиделся.

— погоди! — попытались мы окликнуть
его. — Расскажи, что с тобой сделала Кар-
тошка?

Но без толку. Парень нырнул в темное нут-
ро родительской машины, и она умчала его в
спасительную даль.

Перед входом в читальный зал имелась застекленная веранда. Стены ее покрывали плакаты, посвященные таким вещам, как книжные серии и конкурсы живописи. Без сомнения, очень познавательные. Мы долго и тщательно разглядывали плакаты. Все, что угодно, лишь бы оттянуть тот момент, когда нам придется ступить во мрак и двинуться прямо в лапы Мерфи-Картошки. Мы торчали там, пока мама не поднялась по лестнице и не постучала в окно. Выбора у нас не осталось.

Внутри библиотеки сбылись мои худшие опасения. Там не оказалось ничего, кроме книг. Книг, которые только и ждали, чтобы спрыгнуть с полки и наскучить мне до смерти. Каза-

Легенда об очень страшной миссис Мерфи
лось, они наблюдают за мной со своих насестов.
Я так и видел, как книги подталкивают друг
друга локтями и злорадно переговариваются:
— Смотрите, смотрите — еще двое мальчи-
шек слишком весело проводят время. Ничего,
скоро мы положим этому конец.

Библиотека казалась бесконечной. Ряд за
рядом громоздились деревянные стеллажи,
привинченные к полу и к потолку. В каждом
ряду имелаась лесенка с колесиками на верхнем

конце. На таких лесенках было бы здорово покататься, но разве здесь кто-нибудь позволит детям повеселиться по-настоящему?

— Что вам надо? — донеслось с другого конца библиотечного зала.

Словно два куска ржавого металла поскребли друг о друга. От одного только звука такого голоса мое сердце заколотилось в два раза быстрее. Я затаил дыхание и бросил взгляд через огромное помещение.

На нас, опираясь на массивный письменный стол, уставилась огромная пожилая женщина. Костяшки ее пальцев превосходили размером желуди. Серые волосы были собраны на затылке и стянуты настолько туго, что брови выползли на середину лба.

Женщина выглядела одновременно удивленной и разгневанной. Вне всякого сомнения, мы предстали пред самой Мерфи-Картошкой.

— Я спросила, что вам надо? — повторила она, стукнув по столу чернильным штемпелем.

Мы приблизились к ней, цепляясь друг за друга, словно две испуганные обезьянки. Перед библиотекаршей возвышалась целая коробка штемпелей, а еще два, словно револьверы, свисали у нее с пояса.

Мерфи-Картошка сурово воззрилась на нас с неимоверной высоты. Она оказалась большая. Выше папы и толще, чем мама и обе мои тетушки, вместе взятые. Руки у нее были тощие, как у робота, а глаза, словно два черных жука, тускло мерцали за стеклами очков.

— Мама сказала, что нам надо записаться в библиотеку, — удалось мне выговорить довольно связное предложение. Что не так уж и мало, учитывая обстоятельства.

— Только этого не хватало, — рыкнула Картошка. — Еще два сорванца примутся бесчинствовать среди моих полок.

Она взяла ручку и достала из ящика две карточки.

— Имя?

— М-м-миссис Мерфи, — пролепетал я.

Картошка вздохнула.

— Не мое имя, тупица. Ваши.

— Уильям и Мартин Вудман! — выкрикнул я, словно новобранец в армии.

Мы называли свои имена, а затем и адрес. Последнее обстоятельство меня несколько встревожило. Теперь Мерфи знает, где мы живем, и может выследить нас, если я или брат забудем вернуть книгу. Библиотекарша заполнила карточки и поставила на них библиотечный штамп.

— Розовые карточки, — сказала она, вручая их нам. — Розовый — значит детский. Розовый означает, что вы не покидаете детского отдела.

Марти заметил, что туалет помещается во взрослом.

— А что, если нам понадобится... выйти?

Картофелина швырнула штемпель в коробку и захлопнула крышку.

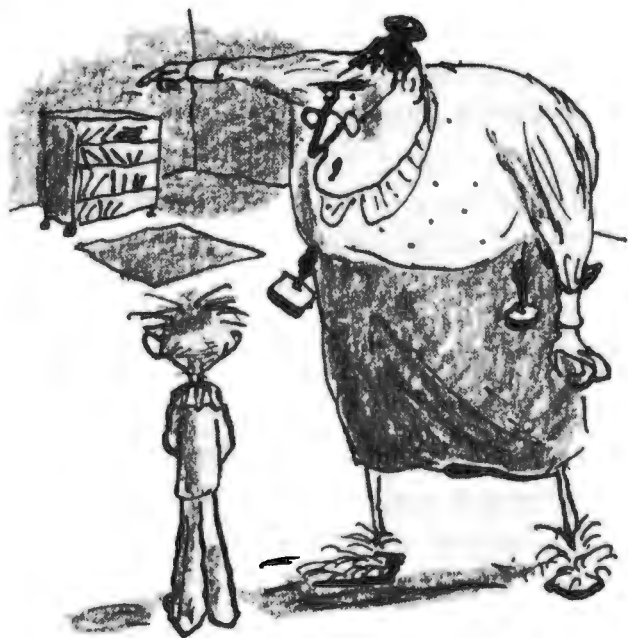
— Думайте заранее, — произнесла она. — Сходите, прежде чем идти сюда.

Мерфи повела нас по длинным паркетным коридорам. Ее войлочные тапочки тихо скользили по полированному полу.

— Здесь, — указала она своим узловатым пальцем, — детский отдел.

Отдел представлял собой один-единственный шкафчик с четырьмя рядами книг. На полу перед ним, словно заплатка, лежал небольшой истертый ковер.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— До ухода — с ковра ни шагу, — предупредила библиотекарша. — Какие бы дурные идеи ни пришли вам в головы, игнорируйте их. Оставайтесь на ковре, или наживете неприятностей на свою голову. — Она согнулась почти пополам, и ее глаза-жуки оказались на одном уровне с моими. — Это понятно?

Я кивнул. Это было понятно. Вне всякого сомнения, понятно.

ГЛАВА 3

ПРОВЕРКА

В тот первый день Марти задумал проверить Картошку. Ему не терпелось выяснить, что она имела в виду, когда говорила про неприятности. Сводятся ли неприятности к строгому выговору? Или неприятности означают быть подвешенным за ноги над ямой с крокодилами?

— Мне нужно знать, как далеко я могу зайти,— заявил мой брат, повязывая свитер вокруг шеи, словно нагрудник.

— А мне не нужно.— Я вдруг припомнил мальчика, который пронесся мимо нас в истерике.— Лучше посижу тут и сделаю вид, будто читаю.

— Ты такой трус,— сказал Марти.— Неудивительно, что Супермен — твой единственный друг. Я, напротив, настоящий герой. Я готов рисковать.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— А зачем ты свитер на грудь повязал?

— погоди, увидишь, мокрая курица.

Брат обошел ковер по краю, проверяя, засечет ли его Картошка.

— Ей нас даже не видно,— пришел он к выводу.— Мы можем делать что хотим.

Я начал беспокоиться. Стоит отдельно взятому мальчишке что-нибудь натворить, гнев окружающих выплескивается на всех членов его семьи.

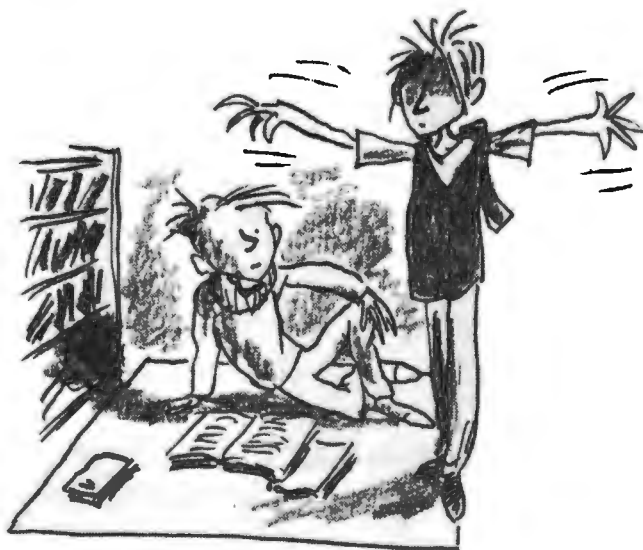
— Что ты собираешься делать?

Марти улыбнулся.

— Лучший способ насолить библиотекарю — переставить книги не на свои места. — Он злорадно потер руки. — Они это ненавидят. Это их бесит. — Брат имел немалый опыт по доставанию библиотекарей. Дома уже хранилось несколько записок из школьной библиотеки. — Поэтому я просто собираюсь поменять местами несколько книг для миссис Мерфи. Когда она заметит, мы уже будем дома мультики смотреть.

Он улегся на живот и ужом пополз по деревянному полу. Марти скользил по полированным планкам на двойном слое шерсти. Ход, вынужден признать, мастерский.

Словно плывущий по Нилу крокодил, брат беззвучно подгреб к ближайшему стеллажу. Он забрался на нижнюю полку и неподвижно там затаился. На нашем конце библиотеки кроме нас присутствовал лишь один человек — седой старичок с косматыми бровями. Марти дождался, пока он уйдет, и начал шкودить.

Одну за другой он переставил почти все книги в секции. Ужасики перемешал с женскими романами, приключения с орнитологией и садоводство с авиамоделизмом. Картошка придет в ярость. Дабы подлить масла в огонь, брат вознамерился поменять местами еще и указатели на концах полок. Эти листочки говорили читателю, какие именно книги находятся на данной полке. Марти медленно протянул руку и оторвал листок от прищепки, на которой тот держался.

Внезапно на него пала тень. Большая суровая тень, и принадлежала она большой суровой особе. Я обернулся. Картошка. Она появилась беззвучно, словно библиотекарь-ниндзя.

Картошка застыла, расставив ноги в тапочках, а ладони нависли над книжными штемпелями у нее на поясе.

Марти ее не видел и по-прежнему держал в руке листок указателя. Было слишком поздно предупреждать его. Я ничего не мог поделать.

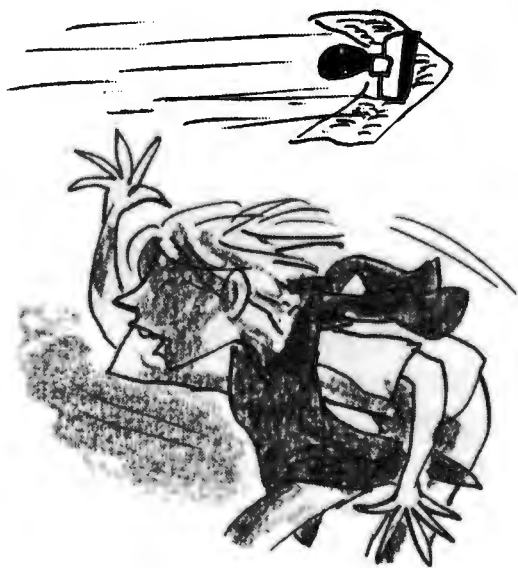
Левой рукой Мерфи молниеносно схватила штемпель и запустила его одним гладким точным движением. Воздух наполнился свистом.

Марти успел обернуться, он даже успел заметить, как в его сторону летит снаряд из дерева и резины. Увернуться он уже не успел. Ему осталось лишь закрыть глаза и издать жалобный писк.

Резиновый штемпель вырвал указатель из пальцев моего брата и припечатал к полке. Сила броска была такова, что листок держался на месте еще несколько секунд после того, как метательное оружие библиотекаря упало на пол. На белой бумаге отпечатались лиловые чернила: «Поврежденное имущество».

— Таки знала,— проговорила Картошка медленно.— Я всегда могу отличить террориста. Стоило мне увидеть вас, мастер Мартин Вудман, как мне сразу стало ясно, что вы сойдете с ковра прежде, чем я успею вернуться за стол.

— Вы засели в засаду? — изумился Марти.

— Именно. Я ждала за полкой. Трюк со свитером неплох, но в свое время я выслеживала и куда более хитрых.

Брат медленно поднялся, стараясь не делать резких движений.

— Извините, Кар... миссис Мерфи. Я больше никогда не покину ковер.

Картошка проехала по полу на тапочках.

— Слишком поздно. Поскольку ты уже сошел с ковра, можешь попытаться исправить причиненный ущерб.

— Но здесь же сотни книг. Я не помню все.

Библиотекарша провела пальцем по полке.

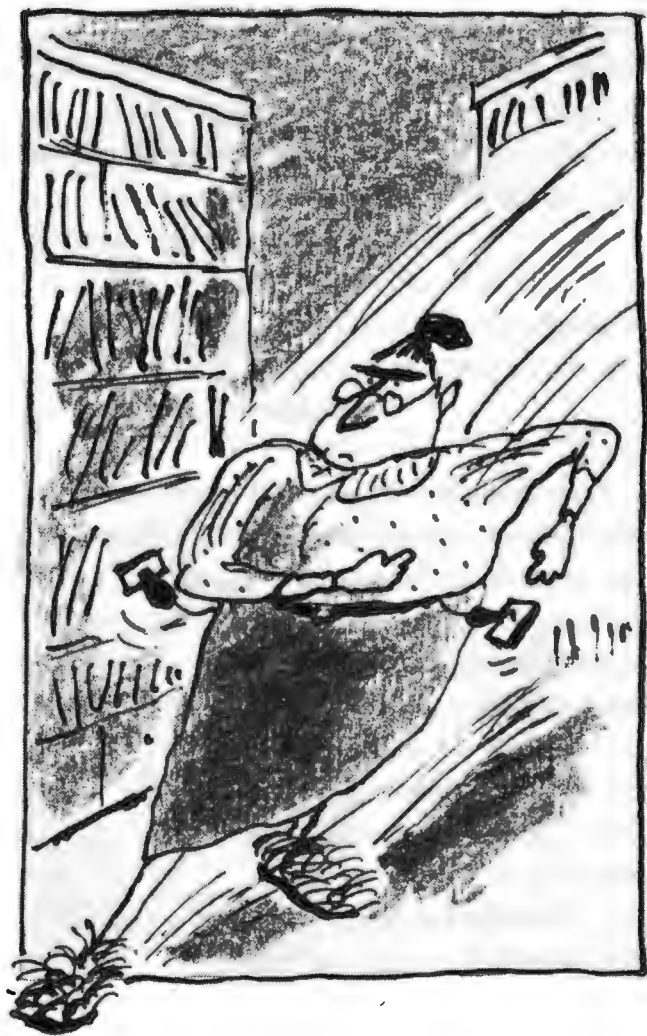
— У каждой книги имеется номер. Эта секция начинается с номера пятьсот шестьдесят. — Она выковырнула одну книгу с полки. — Вот он. Я начала за тебя. Ты приведешь все в порядок к тому времени, как за вами приедет мама, и, возможно, я не стану рассказывать ей, как ты включил огнетушители.

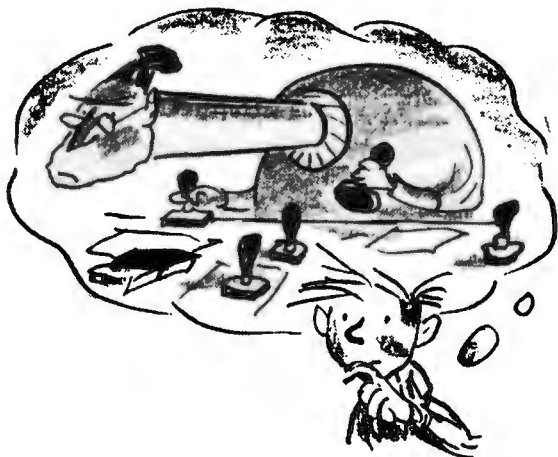
Марти несколько раз беспомощно открыл и закрыл рот, но смог выдать только:

— Но... я не...

Картошка уперла руки в бока.

— Я знаю, что ты этого не делал, и твоя мама, разумеется, не поверит наветам. Если, конечно, за тобой раньше не водилось подобных грешков.

Брат секунду обдумывал услышанное, а затем принялся переставлять книги так быстро, как только мог. Он понял, что встретил достойного противника. Спустя два часа и четырнадцать порезов бумагой Марти закончил. Он сидел на ковре и посасывал пальцы.

— Не так уж плохо,— заметил брат по дороге к выходу.— В школе у нас есть учителя и похуже.— К нему явно возвращалась его самоуверенность.

— Марти! Ты забыл резиновый штампель? Она тебе чуть голову не снесла.

— Да. Это было круто. Наверное, часами тренируется. Как по-твоему, она действительно скажет, что я включил огнетушители?

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Мне все равно. Я просто хочу выбраться отсюда.

И тут Марти направился в сторону Картошки. Я не поверил собственным глазам. Снаружи в машине уже ждала мама. Я даже видел ее сквозь вертящуюся дверь. От спасения нас отделяло всего несколько шагов, а Марти сам идет к столу библиотекаря!

— Извините меня, миссис Мерфи.

Голова Картошки медленно, словно башня танка на шарнирах, повернулась. Взгляд ее сфокусировался на моем брате.

— Мартин Вудман? Вернулся за добавкой? Я полагала, ты станешь держаться от меня подальше.

— Только один вопрос, миссис Мерфи. Вы ведь на самом деле не сказали бы, что я включил огнетушители?

Библиотекарша в ответ улыбнулась, продемонстрировав два ряда похожих на сосульки зубов.

— Не сказала бы?

— Ну, просто мне так не кажется. Бросить штампель — это одно. Кстати, круто получилось.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Тебе понравилось?

— Не то слово.

Картофелина открыла коробку.

— У меня тут коллекция штемпелей. Вот этот поступил на прошлой неделе, он тебя заинтересует. В форме пиратского флага. Многим мальчикам нравится, когда я ставлю им штампы на предплечье. Получается временная татуировка.— Она собралась закрыть крышку.— Но ты, наверное, для этого слишком маленький.

Марти уже закатывал рукав.

— Нет. Я тоже хочу. На руку. Вот будет здорово, когда парни в бассейне увидят!

Мерфи выбрала штемпель, приложила его к синей подушечке.

— Ты уверен? Они по несколько дней не смываются.

— Уверен. Штампуйте.

— Ну, если ты уверен.— Улыбка Картошки сделалась еще шире.— Тогда ладно. Не шевелись.

Библиотекарша покатила резиновый штемпель по руке брата. Вверх-вниз и влево-вправо, три раза. Когда она закончила процедуру, мы наклонились, чтобы рассмотреть пиратский флаг. И увидели короткое предложение из трех слов: «Я ЛЮБЛЮ БАРБИ».

— Ой,— сказала Мерфи.— Не тот штемпель. Извини.

Марти лишился дара речи.

Если кто-нибудь прочтет эти слова у него на руке, его станут дразнить до конца жизни.

— Вам, мальчики, лучше поторопиться,— напомнила Картошка, убирая штемпель в коробку.— И вот что. Еще хоть раз попробуете осуществить здесь какую-нибудь из своих затей, я разозлюсь всерьез. И в этом столе найдутся вещи посерьезнее резиновых штемпелей.

Легенда об очень страшной миссис Мерфи

Мы пошли к двери.

Марти держал руку перед собой, словно она принадлежала кому-то другому. Он уже открывал дверь, когда миссис Мерфи окликнула его:

— Эй, Мартин, счастливого плавания!

ГЛАВА 4

ХОРОШАЯ КНИГА

В течение нескольких следующих посещений я сидел на ковре и делал вид, будто читаю. У меня даже возникло подозрение, не отпечатались ли узор старого выцветшего ковра на моем мягком месте.

Марти бо́льшую часть времени посвящал вылизыванию оскверненного предплечья, но безрезультатно. Штамп и не думал бледнеть, зато братец теперь обзавелся синим языком. Иногда мама приезжала за нами пораньше и заставляла меня склонившимся над книгой.

— Что бы вы ни говорили, а подобная картина радует материнский глаз, — восторгалась она. — Я знала, что ты полюбишь читать, стоит сделать первый шаг.

И мама решила оставлять нас в библиотеке не менее двух часов по три раза в неделю. Вот так.

Мы были обречены.

Легенда об очень страшной миссис Мерфи

Поэтому три раза в неделю нам приходилось притворяться погруженными в чтение. Иногда я и брат забывали вести себя тихо, и тогда Картошка наносила визит в детский отдел.

Помню, как это случилось в первый раз.

Мы спорили, кому принадлежит воздух в нашей спальне. Я говорил, что Марти владеет воздухом на своей стороне комнаты, он же утверждал, что весь воздух на нижнем уровне является его собственностью. По его словам, мне следо-

вало дышать, только взобравшись на верхнюю койку.

Когда мы не на шутку разошлись, на ковер пала знакомая тень. Я вздрогнул.

Над нами, расставив ноги, возвышалась Картошка, с пояса у нее свисали резиновые штемпели. Ни слова не говоря, она вытащила из кармана большую карточку.

Надпись на ней гласила: «Тсс!» Мы намек уловили.

Мы не могли драться, не могли кричать, мы вообще не имели права издавать громкие звуки. Ничего из того, в чем состоит жизнь нормального мальчишки.

Тоска!

Мне все время казалось, что моя голова сейчас отвалится и покатится по полу. Для борьбы со скукой я перепробовал все известные мне способы. Мысленно прокручивал фильмы, обводил узор моей коверной тюрьмы, пытался поедать полоски бумаги из книг. Но чаще всего я просто мечтал о свободе.

А потом вдруг случилось странное.

Я, как всегда, сидел, уткнувшись носом в книгу, и вдруг нечаянно зацепился взглядом за начало страницы.

Книга называлась «Финн Маккул, ирландский великан».

Финн Маккул, говорилось там, был самым большим великаном в Ирландии.

Эта строчка... Она оказалась интересной. Я решил прочесть еще немного. Нет, мне и в голову не приходило читать всю книгу. Ну, может, еще парочку предложений.

У Финна появилась проблема, говорилось далее. Энгус Мактавиш, самый большой великан в Шотландии, затеял учинить с ним драку.

Ну, теперь я не мог остановиться. Великаны дерутся! Может, только посмотрю, чем все

обернулось. И вот я дочитал до конца страницы и перешел к следующей. Мало-помалу история о Финне Маккуле и Энгусе Мактавише захватила меня с головой. Там были приключения и колдовство, битвы и хитроумные замыслы. Горы взрывались, маги убивали гоблинов. Волшебные козлы вели умные беседы, а принцессы превращались в лебедей.

Передо мной раскрылся другой мир.

— Домой собираетесь?

Я поднял глаза.

Рядом стояла мама. В руках она держала сумки с покупками.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я.

— А как по-твоему? Идти пора.

Я прижал книгу к груди.

— Но мы же только пришли. Сейчас всего...

Тут мне пришлось умолкнуть, поскольку в поле моего зрения попали настенные часы. Прошло почти два часа. Я посмотрел на Марти. Он тоже читал! Книгу с драконом на обложке. Что здесь происходит?!

— Давайте шевелитесь, мне еще за папой заехать надо.

Легенда об очень страшной миссис Мерфи

К моему полному изумлению, я понял, что не хочу расставаться с книгой. И Марти тоже.

— Но, мам...

— Да, Марти?

— Я еще не дочитал.

— И я.

Мама поставила сумки и крепко обняла нас обоих. На глазах у всех. Хорошо, что наши друзья не болтаются в библиотеках.

— Думаешь, Кар... э... миссис Мерфи позволит нам взять их домой?

Мама подняла сумки.

— Разумеется. У вас ведь есть карточки?

ГЛАВА 5

ШАГ С КОВРА

Несколько недель все шло чудесно. Лучшего времени в своей жизни я еще не знал. Каждая новая книга открывала дверь в новый мир. Мы сплавлялись по великой Миссисипи с Гекль-

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ
берри Финном. Робин Гуд учил нас стрелять из
лука. Мы ловили разбойников с Великолеп-
ной Пятеркой, а Помойный Стиг подсказывал
нам, как строить крепости.

Мерфи-Картошка в основном нас не трога-
ла, поскольку взятые нами книги возвращались
вовремя и шуметь на ковре нам не приходило
в голову.

Пару раз ей приходилось показывать кар-
точку «Тсс!», но по-настоящему мы не проказ-
ничали.

Пока...

Как-то в понедельник у нас кончились кни-
ги. Мы уже по два раза прошли весь стеллаж.

Даже тайны Нэнси Дрю все до одной раскрыли. Мы сидели на ковре в ужасе перед надвигающейся скукой. Это было нечестно.

Марти от скуки даже снова начал лизать руку, хотя штамп с Барби давно стерся.

Потом он перестал лизать и занял:

— Что нам делать? Я не могу сидеть тут шесть часов в неделю без книжки.

— Я тоже.

— Это такая трагедия. До секции приключений рукой подать.

— Это взрослая секция. У нас только розовые карточки, забыл?

— Я знаю, но если бы у одного из нас только хватило духу добраться туда! Нам на вечер хватит всего одной книги.

Я взял с полки ближайший том и накрыл им голову.

— Не выйдет. Даже не проси. Я не слушаю. Марти подполз ко мне.

— Ну давай. Я не могу. Я же под особым наблюдением.

— А как насчет картофелебойного ружья? Брат ущипнул меня за щеку.

— Ты же у нас очаровашка. Если Картошка тебя поймает, то наверняка даст тебе леденец.

— Нет, Марти,— прошептал я на случай, если Мерфи нас подслушивала.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Я дам тебе подышать моим воздухом в комнате.

— Нет.

— Я позволю тебе тусоваться со мной и с ребятами.

— Не хочу я с тобой тусоваться.

— Я скажу, где похоронен Супермен.

Я ахнул.

— Супермена похоронили?

Марти понял, что поймал меня.

— Да, где-то в саду. В большом саду. Я бы сказал, черви уже начинают его обгладывать.

Какой у меня оставался выбор? Супермен нуждался во мне, и мне правда очень хотелось читать.

— Ладно, Марти,— прошипел я.— Пойду. Но только сегодня. Если захочешь книгу в среду, пойдешь за ней сам.

Брат похлопал меня по плечу.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Это честная сделка,— сказал он.— А теперь вперед. Мне хочется чего-нибудь захватывающего.

Я поставил ногу на деревянный пол, и он скрипнул подо мной, словно пискнула летучая мышь.

В ту же секунду, скользя войлочными тапочками по полированным половицам, из-за угла выкатилась Картошка.

«Тсс!» — показала она карточку.

— Извините,— прошептал я.

Мерфи подозрительно прищурила на нас свои глазки-жуки, но продолжила путь в сторону секции женских романов.

— Я знал, что ты не сможешь, трус,— заявил Марти.— Даже когда у Супермена вся надежда только на тебя.

Я показал брату язык. Меня еще рано считать побежденным — не тогда, когда в саду похоронен Супермен. Марти еще увидит, трус я или нет.

Я стянул ботинки и носки и предпринял вторую попытку. С бесконечной предосторожностью, словно мышь, проверяющая мышеловку, опустил на половицу большой палец. Не скрипит. Благословенная тишина. Это может сработать. Взрослые в нашей части библиотеки отсутствовали, поэтому беспокоиться следовало только о Картошке. Я сделал крохотный шагок. Затем еще один.

Если хочешь пересечь пол бесшумно, держись поближе к стене — это известно каждому мальчишке. Я прижался к ней так крепко, что мне чудилось, будто собственная тень щекочет мне спину. Сантиметр за сантиметром я пробирался к секции приключений. Каждый

миллиметр кожи у меня на теле исходил потом. Казалось, потеют даже зубы. Как поступит со мной Картошка, если поймает? Получу я штампом или из картофелебойного ружья? Наверное, из ружья. В конце концов, Марти уже заработал предупреждение для нас обоих.

Путь мне преградила лестница. Библиотечная лестница с колесиками наверху. Без нее я не мог добраться до секции приключений. Она не скрипнула ни разу. Мерфи хорошо их смазывала.

Я уже мог различить книги, но не сумел их достать. Пришлось медленно взбираться по лестнице, каждую секунду ожидая предательского скрипа и непременно последующего за ним беззвучного появления Картошки. Один шаг, затем другой, потом третий. Отсюда уже можно дотянуться. Я вытянулся, как мог. Выдлиннился от кончика большого пальца на ноге до подушечки указательного. Снял с полки первую попавшуюся книгу и засунул сзади за ремень штанов. Получилось. Оставался только обратный путь на ковер.

Дорога назад оказалась не менее ужасна. Я потел так, что даже пить захотелось. Расстояние между мной и ковром казалось в десять раз больше, нежели по дороге туда, и мельчай-

ший звук эхом отражался от высоких стен. Но остановиться и замереть я уже не мог. Иначе Картошка обязательно поймает меня в свой следующий обход. И тогда уж точно окучит по полной программе. Поэтому я делал один потный шаг за другим, пока не дотолкал лестницу на место, а сам не оказался в безопасности на ковре.

Марти вытащил книгу у меня из штанов.

— Молодец, Уилл. Не думал, что ты на такое способен.

— А теперь скажи мне, где похоронен Супермен? — потребовал я.

Он ухмыльнулся.

— В коробке с игрушками, простофиля, где и всегда.

Братец снова провел меня, но я испытывал слишком большое облегчение, чтобы злиться.

Мы взглянули на обложку книги. Сверху золотыми буквами красовалось название «Разведчики в Сибири». Под заголовком имелась картинка. На ней человек неся на лыжах с заснеженной горы. Картошка за сто метров высмотрит у нас взрослую книгу, и Марти позаимствовал для нее суперобложку с одной из наших.

Я надел носки и ботинки, и мы наслаждались чтением весь остаток вечера. Надо заметить, эти шпионы неплохо проводили время со своими быстрыми машинами и парашютами и

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ целовали всех встречных девушек. Без поцелуев можно было бы и обойтись, но остальное оказалось просто здорово. Мы с Марти впервые в жизни ухитрились не затеять ссоры, проведя длительный отрезок времени на сравнительно маленьком участке суши.

В полпятого брат спрятал «Шпионов» за рядом сказок Энид Блайтон про то, как дети попадали в страну эльфов, и мы уселись ждать маму. Должен признаться, я был очень доволен собой. Мне удалось перехитрить знаменитую Мерфи-Картошку. Ее навыки лазутчика —

ничто по сравнению с моим умом. Я чувствовал себя королем библиотеки.

Зря.

Картошка, как всегда неожиданно, выехала из-за угла на своих войлочных тапочках. Она затормозила перед нами и принялась, словно одна из тех злющих собак, каких держат скинхеды. Брови у нее всползли выше, чем обычно.

— Что-то не так, — произнесла она своим ржаво-металлическим голосом.

Мы невинно улыбались. Как и у большинства мальчишек, невинная улыбка у нас получалась великолепно.

Мерфи уставилась на нас.

— Невинными улыбками меня не проймешь, молодые люди. Разве что вы и впрямь ни в чем не виноваты. Лично я в этом сильно сомневаюсь.

Я почувствовал, как моя улыбка съезживает, словно банан, который едят с обоих концов. Спокойствие, говорил я себе. Еще полчасика, и мама нас спасет.

Картошка раскатывала по библиотечному паркету большими кругами, высматривая признаки непорядка. Взгляд ее шарил по полированному дереву, как у орла в поисках добычи. Наконец она подъехала к месту, откуда я начал свое путешествие. И проехала мимо.

Фьють. Затем остановилась и обернулась.
Ой!

Что-то привлекло ее внимание.

Что-то на том самом месте, где я стоял. Она низко наклонилась и проследила весь мой путь до самой лестницы.

— Совпадение, — прошептал Марти уголком рта. — Не дрейфь.

Картошка взялась одной рукой за лестницу и покатила ее вдоль полка. Остановилась у секции приключений.

Такого просто не бывает! Библиотекарша взобралась до третьей ступеньки и вытянула

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ
узловатый палец. Палец указал на пустоту на полке.

— Ага,— сказала она.

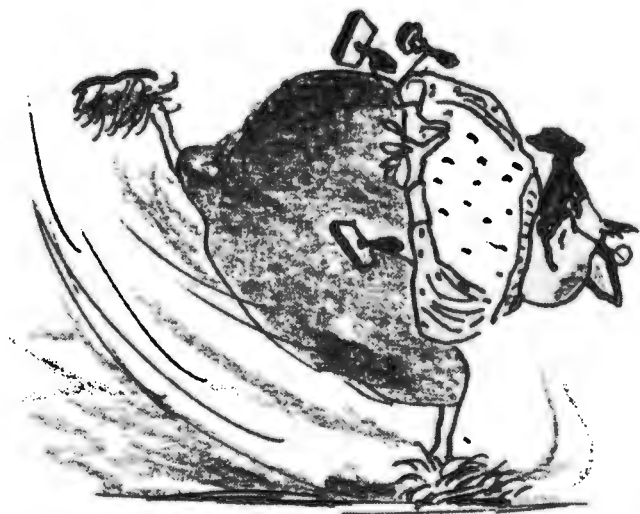
Я не верил своим глазам. Наверное, она обладает колдовскими способностями. Я в беде. По самые уши.

Картошка спустилась и подкатила к коври. Остановилась перед нами и произнесла три слова:

— «Разведчики в Сибири».

— Простите? — Я снова попытался изобразить невинную улыбку.

— «Разведчики в Сибири». Вы взяли ее из секции приключений. Давайте сюда.

К этому моменту я был уже слишком напуган, чтобы произнести хоть слово. Мне удалось лишь покачать головой. Нет, говорил этот жест, это не я.

У Марти получилось чуть лучше.

— Я бы ни за что не пренебрег библиотечными правилами и не покинул бы детский отдел,— заявил он с каменным лицом.— Это было бы неправильно, и мои родители были бы очень разочарованы.

Картошка прищурила на нас свои глазюки.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Ах вот вы как,— проскрежетала она.—
Ладно, тогда я велю вам обоим лечь.

Мы повиновались, и Мерфи ловким движением сдернула с нас ботинки и носки. Она оглядела наши босые пятки и остановилась на мне.

— Встань,— приказала библиотечарша.

Я повиновался. А кто бы не повиновался, когда над ним нависла сама Мерфи-Картошка?

Она взяла меня под мышки и подняла сантиметров на пятнадцать вверх.

— Думаю, это был ты, Уильям,— ты оставил след.

Какой след? Я не мог оставить следов.

Картофелина скользнула к стене, откуда началось мое путешествие, и поставила меня прямо на мои собственные потные отпечатки стоп. Я действительно оставил прекрасный след. Цепочку высохших отпечатков.

— А теперь, — сурово приказала она, — отдавай «Разведчиков в Сибири».

Меня поймали. Честно и справедливо. Все улики говорили против меня. Мне оставалось только вернуть книгу и молить о милосердии. Я потащился в детский отдел и вынул добычу с полки.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— Стыдно,— укоризненно покачал головой Марти.— Как ты мог нарушить библиотечные правила?

Я не обратил на него внимания. Меня слишком занимали размышления о том, какую страшную кару наложит на меня Картошка.

— Вот,— сказал я, передавая ей «Разведчиков».

— Зачем ты это сделал? — Библиотекарша выглядела удивленной.— Разве ты меня не боишься? Все дети боятся.

И в этот момент мне повезло принять самое лучшее решение за весь день. Я сказал правду. По крайней мере, отчасти.

— Я хотел книжку.— Мой голос срывался.— Все остальные мы уже прочли, некоторые дважды. Мне очень хотелось книгу.

— Даже несмотря на то, что я могла тебя поймать?

Нижняя губа у меня дрожала, словно красный мармеладный червяк.

— Рискнуть стоило.

— Верно! — согласилась Картошка.— Ступай к моему столу. У меня для тебя кое-что есть. И это не резиновый штампель.

Не штампель! Пневматическое картофелебойное ружье. Меня сейчас окупят. Настало время молить о пощаде.

— Но...

Мерфи вскинула ладонь.

— Никаких «но». Ты получишь то, что заслужил. К столу!

Я пошел к столу, напуганный сильнее, чем когда-либо в жизни. Вот и все, конец моей карьеры симпатичного малыша. С этого дня меня станут звать Стремный Уилл, Картошечное Рыло. Это уже слишком.

Я закрыл глаза, не желая видеть, как все произойдет.

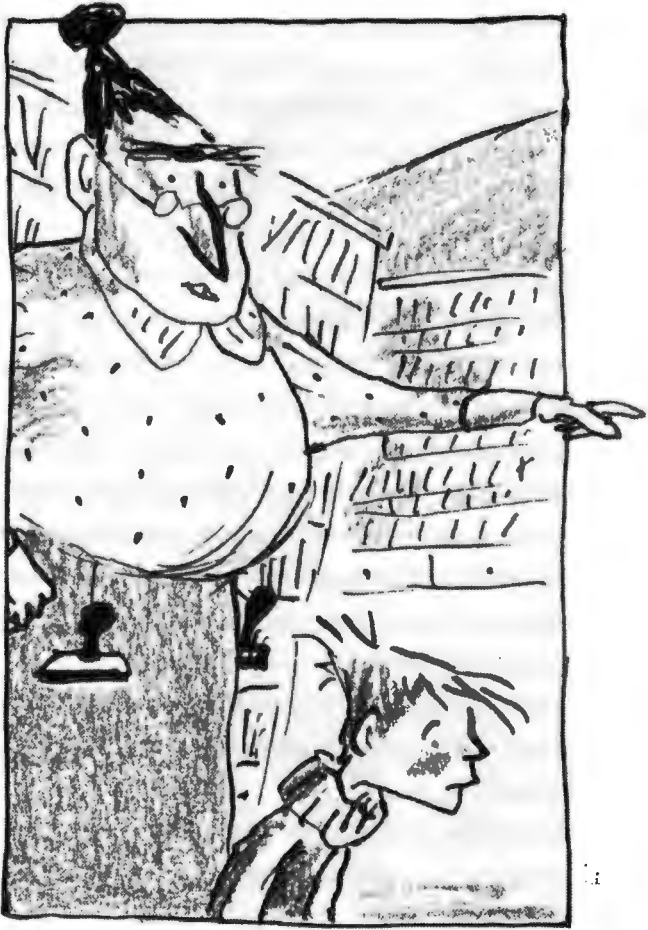
А уши продолжали работать, принося звуки, к которым мое воображение добавляло соответствующие картинки. Позади Марти все еще неодобрительно цокал языком, словно я его расстроил, а передо мной Картошка рылась в ящиках стола. Наверное, выбирала самую жесткую картофелину.

— Открой глаза! — приказала она.

— Нет, — простонал я. — Не могу.

— Давай, Уильям Вудман. Посмотри, что тебя ожидает!

Издав глубокий стон, я рискнул открыть глаза. Вместо ствола картофелебойного ружья на меня глядела синяя карточка. За карточкой виделось лицо Картошки. Она улыбалась, и на этот раз ее зубы не напоминали ряд сосуллек. Они выглядели вполне дружелюбно.

— Синяя библиотечная карточка,— произнесла Мерфи.— Синий — означает взрослый. Синий означает, что ты можешь перемещаться по библиотеке, куда угодно. Только не забывай показывать мне выбранные книги, чтобы я проверила, подходят ли они тебе.

Моему изумлению не было предела. Как могла Картошка наградить меня за нарушение библиотечных правил?!

— П-п-поч-чему?

Мерфи снова улыбнулась. Улыбка была ей к лицу.

— Ты покинул ковер ради книги. Не для пакости, а ради книги. Ради книг и существует библиотека, и порой даже я об этом забываю.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

Оп-па. Я случайно сделал что-то хорошее.
Погодите, пока мама об этом услышит.

Картошка подмигнула мне.

— Может, теперь я расширю детский отдел
и избавлюсь от ковра.

Я обдумал такой вариант.

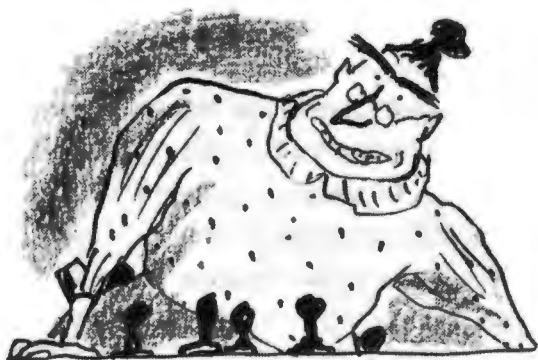
— Ковер можно и оставить. Надо же на чем-
то сидеть.

— Договорились.

Она протянула мне свою костлявую руку.

Подмигивание и рукопожатие? Может, при-
шельцы похитили библиотечаршу и оставили
вместо нее картошкообразного робота?

— Миссис Мерфи, раз уж мы теперь так по-
дружились, ничего, если я буду называть вас
Картошкой?

Библиотекарша сунула свободную руку под
стол. Там что-то брякнуло и тихонько заши-
пело.

— Только попробуй!

Я медленно попятился.

— Наверное, я просто подожду маму.

— Хорошая мысль.

Знаю, что вы думаете. Конечно, после ужас-
ного поведения Марти мне не следовало под-
ходить к нему на пушечный выстрел. Ну, вы по-
чти правы. Я все-таки к нему приблизился. Он
не мог дотянуться до меня всего сантиметров
пятнадцать. Я стоял в метре от ковра и махал
ему синей взрослой карточкой.

— Возьми мне книжку,— умолял он.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ

— А как же твой трюк с Суперменом? И думать забудь.

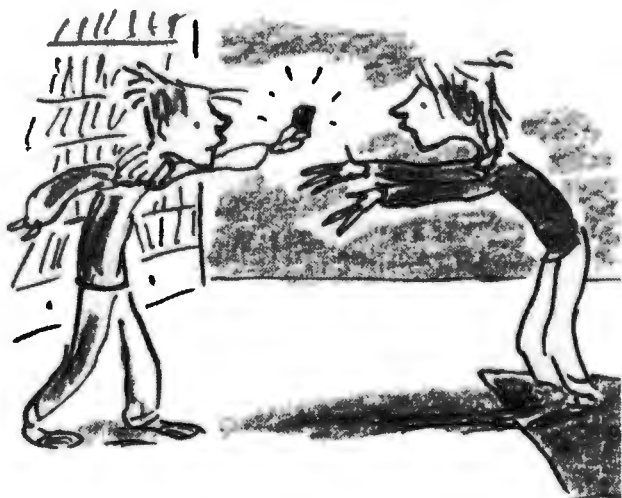
— Можешь дышать воздухом в спальне.

— Ну ладно.

Я принес ему книгу «Осенние розы» из секции женских романов.

— Не эту, — завыл братец, прочтя аннотацию на обороте. — Не хочу про эту Пенелопу.

Я уже достиг середины приключенческой секции, поэтому сложил ладонь ракушкой и приложил к уху, словно не мог его расслышать. А крикнуть-то он не смел. Когда я спустя несколько секунд снова взглянул в сторону Марти, он уже проглотил страниц двадцать любовного романа.

Ион КОЛФЕР

В десять минут пятого снаружи трижды бибкнула машина. Один длинный, два коротких. Наш сигнал. Мама ждет. Мы быстро выбрали, какие книги возьмем домой. Марти взял «Осенние розы».

— Там столько дерутся на мечях,— поведал он, пока Мерфи штамповала книгу.

Мою книгу она тоже проштамповала. И сунула мою синюю библиотечную карточку в маленький конвертик.

— Слушай, Уилл, раз уж мы теперь так подружились, может, ты станешь называть меня Анжела?

— Тогда до среды, Анжела.— Я сунул книгу под мышку.

Картошка улыбнулась.

— До среды, Уилл.

Так оно и вышло.

ЛЕГЕНДА
О ЗУБАХ
КАПИТАНА КРОУ

Александре

ГЛАВА 1

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

Каждые каникулы наша семья проводит в доме-фургоне у моря. Мы все набиваемся в спальню размером с багажник машины и спим с открытым окном. Если у вас есть братья, то вы сами понимаете почему.

У меня четыре брата: Марти, Донни, Берт и ПП. Мама говорит, что за десять секунд мы способны причинить дому-фургону больше вреда, чем ураган.

Вы, наверное, думаете, что она преувеличивает. Вы, наверно, говорите себе: «Не могут они быть такими буйными!» Нет, мы именно такие и есть.

Давайте я кое-что расскажу вам о моих братьях. Начнем с самого младшего.

Брат 5: ПП. Вы, может, думаете, что пятилетний пацан — существо безобидное? Но ПП

мал только по размеру — мозги у него работают по-взрослому.

Однажды, в гостях у нашей маленькой кухни, ПП вдруг осознал: младенец может делать все, что угодно, и ему за это ничего не будет. Ну, он и решил снова стать младенцем. С того дня и на протяжении целых шести месяцев ПП лишь лепетал как младенец. Мы-то знали, что он прикидывается, но мама и папа были в шоке.

Вот вам образец «разговора».

П а п а: Ну-ка, малыш, что у меня в руке?
(Банан.)

ПП: Мм... Кака.

Папа: Нет. Не така. Подумай, ПП. Это фрукт. Твой любимый. Это ба...

ПП: ...нан.

Папа: Да! Замечательно. Ты справился. Нан. А теперь скажи все слово.

ПП: Нананан... така.

(На этой стадии папа обхватывает голову руками и сдается. Донни и Берт показывают ПП поднятые вверх большие пальцы.)

Братья 4 и 3: Донни и Берт. Я объединил их, потому что они всегда действуют в команде. Стоит увидеть одного, и можно не сомневаться, что другой где-то поблизости. Берт караулит, а злодеяния совершает Донни.

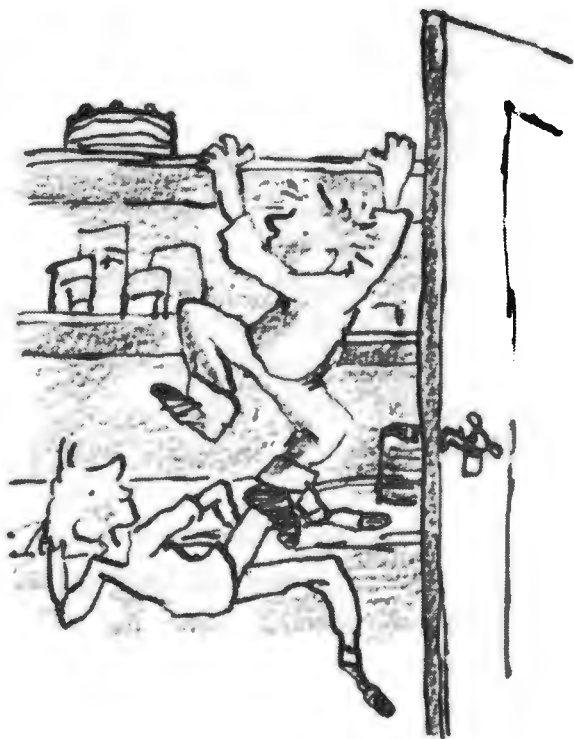
Мама повсюду приклеивает записки, чтобы пометить то, чего Донни и Берт не должны касаться.

«Руки прочь!» — на мороженом.

«Не прикасаться!» — на коробке с порошком какао.

«Если собираетесь открыть это, лучше наденьте перчатки, не то я поймаю вас по отпечаткам пальцев!» — на жестянке с печеньем.

Последняя записка преследовала две цели: предостеречь и поучить читать. Раньше наша мама была учительницей.

Она пыталась спрятать печенье в буфет, но Донни и Берт взбирались за ним по полкам, как обезьяны. В итоге маме пришлось заворачивать печенье в листья салата и хранить в багажнике машины.

Брат 2: Уилл. Это я. Прекрасный мальчик, отличное приобретение для любой компании. Это не я говорю — так написано в моем школьном дневнике.

Легенда о Зубах Капитана Кроу

Брат 1: Марти. Мой старший брат. Если Марти хоть пальцем дотронется до любого младшего брата, он будет наказан — неделю просидит в своей спальне. Он это помнит и изобретает другие способы, чтобы терзать нас.

Самые жестокие пытки Марти приберегает для меня. Он знает, что я боюсь призраков и всего такого, поэтому пугает меня разными самыми жуткими проделками. Я мог бы заполнить три записные книжки рассказами о его мерзких проделках.

ГЛАВА 2

ЗУБЫ КАПИТАНА КРОУ

Долгими летними днями мы с утра до ночи плавали, сооружали плоты и подсовывали друг другу в обувь крабов.

Деревня Данкейд — классное место для шайки мальчишек на каникулах. У нас была лодка, гидрокостюмы, шалаш и удочки. В этом году я с нетерпением ожидал «Джиги для мальков».

«Джига для мальков» — это такая еженедельная дискотека для тех, кому от девяти до одиннадцати. Название реально тупое, но мне не терпелось потусоваться с большими парнями. В прошлом году Марти ходил туда несколько раз и рассказывал про крутых парней — как они там танцуют под потрясающую светомузыку.

Даже прошел слух, что туда приедет рок-группа «U2».

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ

В ночь перед первой дискотекой этого лета я не мог уснуть, хотя к дискотеке это никакого отношения не имело. Дело в том, что Марти пугал нас, дурачков, своей любимой историей о призраках — легендой о зубах капитана Кроу.

Мы лежали в своих спальных мешках. В комнате изначально было всего две койки, но папа из старых досок и твердого картона соорудил еще три.

Каждую ночь Марти дожидался, пока мы задремлем, и начинал рассказывать эту историю. Человек в полусне может поверить чему угодно.

— Эй, слышите? — спросил он на этот раз. — По-моему, за окном кто-то есть.

— Ничего не слышу, — ответил я, хотя знал, что Марти дурачит нас.

— Ба-ба, — сказал ПП.

Он по-прежнему предпочитал детский лепет.

Марти включил карманный фонарик и осветил ПП.

— Твои младенческие штучки со мной не пройдут, ПП, даже не пытайся.

— Разумно, — согласился ПП.

Он кто угодно, но не дурак.

— Может, за окном ничего и нет,— продолжал Марти, осветив фонариком свой подбородок снизу, чтобы выглядело пострашнее.— А может, там капитан Кроу. Ищет мальчишку, всадившего топор ему в голову.

— Марти,— сказал я,— ты пугаешь ребят.

— А мы хотим, чтобы нас пугали! — возразил Берт.

— Ага. И давай рассказывай поподробнее,— добавил Донни.— Побольше крови и вспоротых животов, пожалуйста.

— Ну, вы сами напросились.

Марти внезапно выключил фонарик, и маленькая комната погрузилась в крошечную тьму. Он выждал, пока мы дойдем до кондиции и задержаемся, а потом негромким дрожащим голосом начал рассказ.

— Больше трехсот лет назад море у побережья Данкейда терроризировал ужасный пират — капитан Августин Кроу. Самый жестокий, самый мерзкий, самый вонючий пират из всех, чья нога когда-либо ступала на палубу.

По-моему, этот капитан Кроу сильно смахивал на самого Марти, только с бородой.

— Чтобы заманивать корабли на скалы, разбойники из банды Кроу гасили фонарь на маяке Данкейда и зажигали другой, на скалах. Корабли сворачивали на этот огонь и попадали на рифы, где их поджидал Кроу со своими людьми. Пираты грабили севшее на мель судно, перегружали добычу на свой корабль «Саломея» и уплывали к себе в логово. Порой, когда им доставалась богатая добыча, пираты сваливали сокровища на скалы, которые во время отлива выступали из моря. Свет пиратского фонаря освещал эти скалы, они мерцали и сверкали в ночи, как золотые зубы во рту Кроу. С тех пор эти скалы называют...

— Зубы Капитана Кроу,— прошептал я.

— Пи-пи! — пропищал ПП.

Марти снова включил фонарик.

— Я тебя предупреждал.

ПП оставил детский лепет.

— В смысле, можешь подождать минутку, пока я схожу в туалет?

— Ровно минуту. Поторопись.

ПП выбрался из трехъярусной койки и рванул в крошечный туалет дома-фургона. Готов поспорить, по дороге мама обняла его, но он быстро вырвался, чтобы успеть дослушать историю.

— Однажды штормовой зимней ночью,— продолжал Марти, как только ПП снова втиснулся в спальный мешок,— «Саломея» бросила якорь у мыса Данкейд. Кроу и тридцать его ближайших товарищей в шлюпках переправились на берег. Они были очень злы и до зубов вооружены мечами, ножами и пилами.

— Пилами? — удивился Донни.

Это что-то новенькое.

— Да, пилами. Чтобы распиливать все, что найдут на месте кораблекрушения. Все или *всех*.

ПП задрожал от страха, и многоярусная система коек затряслась.

— Пираты без единого выстрела захватили маяк и зажгли свой фонарь на другой скале. Эта скала так пропиталась пиратской под-

лостью, что даже чайки никогда не опускаются туда. Если сядешь на этой скале, тут же почувствуешь боль и холод в заднице.

Я потерял задницу. Это правда. Как-то я на спор посидел на пиратской скале и на целую неделю отсидел задницу.

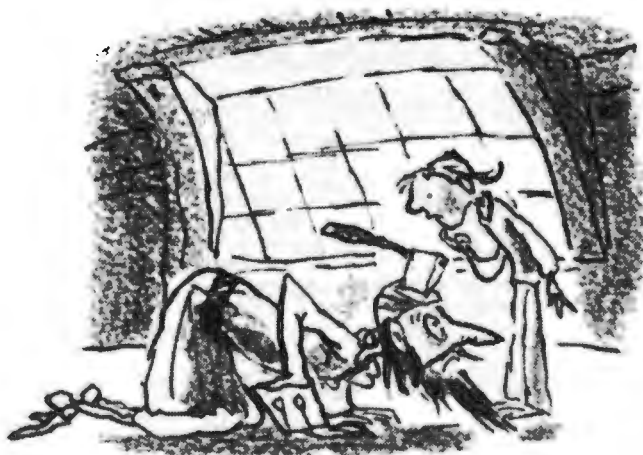
— Не прошло и часа, как на горизонте показался торговый корабль «Леди Джеклайн». Он стал огибать мыс Данкейд... так думали моряки. Однако они шли не на свет маяка, а на обманный пиратский фонарь. И лоцман посадил их на мель у суровых скал Данкейда.

Это было нетрудно представить — ведь за окном шептал ветер, и море билось о скалы в двух минутах ходьбы от нас.

— Капитан Августин Кроу и его товарищи набросились на пострадавший корабль, завывая и размахивая мечами. В зубах они сжимали горящие запалы. Они заперли в каютах экипаж и потащили с корабля все, что могли унести. Кроу лично взломал дверь капитанской каюты, поскольку самое ценное всегда хранится в сейфе у капитана. Однако в каюте он обнаружил не капитана, а спрятавшегося там юнгу. Кроу посмотрел на него сверху вниз своими черными глазами-бусинками и сказал: «Ну-ка, ну-ка, что тут у нас?» А юнга молча вытащил

из-за спины руку с зажатым в ней маленьким топориком для растопки. Кроу расхохотался ужасным злобным смехом. «Гляньте-ка, парни! — крикнул он пиратам. — Тут младенец собирается расправиться с нами!» Пока Кроу веселился, юнга замахнулся и, когда Кроу снова посмотрел на него, обрушил топор на макушку пирата. Кроу рухнул на пол со словами: «Вот так юнга!»

Марти замолчал, все остальные тоже не говорили ни слова. Хороший знак. Если бы нам было скучно, мы забросали бы Марти дурацкими вопросами, просто чтобы подразнить его. Типа: «А у этого юнга было какое-нибудь домашнее животное?» Раз нет вопросов, значит, все на крючке.

— Товарищи перенесли Кроу на корабль, и пиратский врач — мясник по профессии — осмотрел рану. «Если вынуть топор, мозги тоже вывалятся», — объявил он. Ну, они и оставили топор. Корабельный кузнец загнал его поглубже, так что на виду осталась лишь полоска металла. Она мерцала на лбу капитана, как полумесяц. Десять дней Кроу метался в лихорадке, а когда очнулся, первым делом спросил:

«Где этот парень?» Пираты не знали. Они хотели спасти капитана и забыли о юнге. Команда вернулась в Данкейд, но никакие деньги не помогли им разузнать, что это за таинственный юнга. Капитан Кроу пришел в ярость. Из-за мальчишки его всегда будет терзать головная боль, и он жаждал мести. Всю оставшуюся жизнь капитан искал того, кто причинил ему такие ужасные страдания. Пятнадцать лет спустя Кроу выследили. Пушка разнесла пиратское логово на кусочки, но он успел сказать: «Я вернусь за этим юнгой». Это были последние слова капитана Кроу.

— Откуда известно, что это его последние слова? — спросил Берт. — Как узнать, если логово разнесли на кусочки?

У Марти, однако, на все был готов ответ.

— Один парень из банды Кроу уцелел — Джонни-Стрелка, пират с одним-единственным пальцем. Остальные он потерял, когда прочищал дула мушкетов.

— Круто! — удовлетворенно произнес Берт.

— Говорят, дух капитана Кроу бродит около этого мыса. Всякий раз, когда во время прилива из-под воды мерцают Зубы Капитана Кроу, его призрак тут как тут. Он ищет юнгу. И если находит мальчика того же возраста, болтающе-

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ

гося среди скал в глухую полночь, то забирает его с собой, на свой призрачный корабль.

Берт задал вопрос, который мне меньше всего хотелось услышать.

— А сколько лет было юнге?

Марти включил фонарик и направил его луч прямо мне в лицо.

— Девять. Уилл, ты, случайно, не знаешь какого-нибудь девятилетнего мальчика?

Я сглотнул. Да, я знал такого. Себя самого.

ГЛАВА 3

ДЖИГА ДЛЯ МАЛЬКОВ

Назавтра я расспросил папу о Зубах Капитана Кроу.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы скалы светились, папа? Ну, как в этой пиратской истории?

Мы сидели на набережной и удили кефаль. Эта коричневая рыбка любит плавать у входа в гавань.

Папа смотал свою леску.

— Да, видел. Когда был мальчиком. Целая гряда скал прямо под поверхностью воды светится, словно полный рот золотых зубов. В те времена люди действительно думали, что капитан Кроу может вернуться, и нам, детям, запрещали ходить на скалы. Боялись, что нас могут украсть.

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ

— А ты ходил туда?

Дети ведь очень часто делают то, что им запрещают. Папа улыбнулся.

— Однажды мы целой компанией отправились на скалы.

— И не боялись?

— Немного побаивались,— признался папа.— По правде говоря, до Зубов Капитана Кроу мы так и не добрались. Один мальчик вдруг развернулся и побежал. Вслед за ним и остальные

дали деру. Представь себе, мы действительно верили, что нас там поджидает старый пират.

— А что же там светится, если не капитан Кроу?

— Это фосфоресценция,— ответил папа.

— Фос-фор-что?

— Фос-фо-рес-цен-ция,— повторил папа.—

Время от времени набегающие волны тревожат крошечных фосфоресцирующих существ, заставляя их светиться в темноте. Это наука, призраки тут ни при чем. Однако лично мне больше нравится версия про зубы пирата.

А мне нет.

Лично я предпочитаю науку. Ученые не высказывают из моря и не утаскивают мальчиков на свой призрачный корабль.

— И часто эта фосфоресценция бывает?

— На тех скалах? Вряд ли. Я только раз видел.

«Хорошо,— подумал я.— Значит, вряд ли. Но даже если такое случится, есть научное объяснение. Призраки тут ни при чем, это просто наука».

Папа усмехнулся.

— Конечно, ученые не знают всего.

Я сглотнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, что легче представить — микроскопических существ, пожирающих солнечный свет и отрывивающих свечение? Или призрачную грудку пиратских сокровищ?

— Наверное, микроскопических существ,— с надеждой произнес я.

— А я предпочитаю пиратскую теорию.— Папа широко открыл рот и рассмеялся жутким ухающим смехом.— Ах-ха-ха, трепещи!

Я понимал, что он шутит, но мне это не казалось забавным. И никакому девятилетнему мальчику не показалось бы.

Как раз в тот вечер была большая дискотека. Мы с Марти приняли душ и намазали волосы гелем. Я первый раз в жизни использовал гель и чувствовал себя так, будто на голове у меня надета шапка из улиток. Ужасно хотелось все смыть, но Марти сказал, что это круто.

— Ты же не захочешь выделяться? У всех крутых парней волосы торчком. Девчонкам это нравится.

Я внимательно разглядывал себя в зеркале ванной. Моя прическа выглядела так, словно к голове приклеили взъерошенного кота.

— Уверен, что это круто?

— Конечно.— Марти добавил на свою голову еще немного геля.— Раз я сам так делаю.

Когда мы вышли из ванной, нас дожидались Донни, Берт и ПП. Они так расхохотались, что фургон затрясся.

— Кака на голове,— младенческим голосом пропищал ПП.

— Это круто! — возразил я.

— Успокойтесь, ребята,— сказала мама.— Не обращай на них внимания, Уилл. Девочкам нравятся, когда мальчики следят за своей внешностью.

— Уилл любит девочек,— хором нараспев сказали Берт и Донни, виляя задницами в мою

сторону — так на языке жестов они изображали тех, кто любит девочек.

— Мама! — жалобно взвыл я. — Они виляют на меня задницами.

— А ну, кыш! — прикрикнула мама на младших братьев. — Вместе с вашими задницами.

Мальчишки ушли, виляя задницами на ходу.

Мама обернулась к нам.

— А вы оба присядьте на минутку.

Мы с Марти втиснулись на одну из скамеек, стоявших вдоль стола. Мама с папой так же втиснулись с другой стороны.

— Итак, важный день настал, — провозгласил папа. — Два мальчика отправляются танцевать джигу.

Марти вскинул руку.

— Прошу прощения, родители. Я уже слушал эту лекцию в прошлом году. Можно мне уйти?

— Нет. Некоторым людям нужно все повторять дважды.

— В смысле?

— Ну, сколько раз тебе говорили, что не надо грызть вещи? А ты все равно умудряешься превратить зубную щетку в жевательную резинку. Знаешь, сколько стоит коронка на твоём переднем зубе?

Марти понимает, когда ему нечем крыть. Поэтому он испустил тяжкий вздох и приготовился слушать лекцию.

— Сегодня мы оказываем вам огромное доверие,— заговорила мама.— Отпускаем вас одних, на велосипедах, на свой страх и риск.

— Мы же не на край света отправляемся, мама,— возразил Марти.— Танцплощадка недалеко от деревни. Вы можете увидеть нас, если залезете на крышу фургона.

— Не в том дело,— ответил папа.— Мы не собираемся торчать весь вечер на крыше, ожидая вашего возвращения.

— И мы там будем не одни. Соберется куча народу.

Папа посмотрел сначала на маму, потом на Марти.

— Кажется, нам лучше отвезти вас на машине.

— Нет! — взвизгнул Марти.— Мы не поедem с родителями. Это все испортит. Я буду вести себя по-взрослому, честно. Перед отъездом посмотрю новости по телевизору. Хотите, поговорим о выборах?

Папа вскинул руки.

— Ладно, ладно. Но это испытательная поездка. Танцы заканчиваются в десять. Даю вам тридцать минут, чтобы добраться до дома. Если вы к этому времени не появитесь, я возьму ваши пижамы с медвежатами, сяду в машину и сделаю так, что все их увидят.

Марти в ужасе открыл рот.

— Нет!

Папа улыбнулся.

— Может, нет. А может, и да. Будем надеяться, нам не придется это выяснять.

Мама сунула мне листок, вырванный из ее записной книжки, и приказала:

— Прочти.

— Мы, Марти и Уилл Вудмен,— стал я читать вслух,— берем на себя от... ответ...

— Ответственность,— подсказала мама.

— Ответственность и обещаем оправдать доверие наших за... замеча...

— Замечательных родителей.

— Замечательных родителей. Если мы нарушим хоть одно из правил, мы заработаем такие неприятности, что все веселье сегодняшнего вечера покажется нам прекрасным сном.

— Прекрасным сном,— повторил папа.— Это место мне в особенности нравится. Ну и что за правила, Уилл?

Я читал дальше:

— Правило первое: прямиком на танцы и прямиком обратно. Никаких задержек по дороге.

— Вы не доверяете нам? — спросил Марти так, будто его предали.

Папа даже не потрудился ответить.

— А второе правило, Уилл?

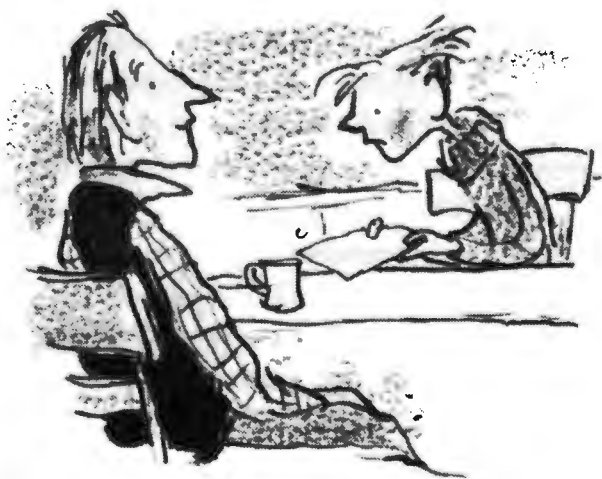
— Правило второе: ехать по дороге. Ни шагу в сторону скал.

— А если вы ослушаетесь?

— Если мы ослушаемся, то в следующий раз нас отпустят гулять только в сопровождении наших внуков.

— Все? — спросил Марти. — Где поставить подпись?

— Вы поняли эти простые правила? — спросила мама. — Или нужно еще раз повторить? Кстати, молодец, Уилл. Прекрасно прочитал.

Марти ерзал от нетерпения.

— Конечно, мы поняли. Теперь можно идти? Не то мы пропустим танцы. У меня уже волосы не так торчат!

Мама поставила нас перед собой.

— Ладно, дай-ка на вас глянуть. — Она сверху донизу осмотрела нас. — Зубы чистые. Прически — чистое безумие, но, видимо, это модно. По крайней мере, гель защищает голову от вшей.

Папа выдал каждому из нас по два евро.

— На чипсы и напитки.

Марти осмотрел свои деньги.

— Почему Уиллу дали одну монету в два евро, а мне две монеты по евро?

— Это одно и то же.

— Вовсе не одно и то же. Было бы одно и то же, мы бы оба получили по монете.

— Какая разница?

— Разница та, что монета в два евро лучше, чем две монеты по одному.

Марти считал, что это разумное объяснение.

Мне хотелось поскорее поехать.

— Вот, возьми мою монету.

Марти бросил на меня сердитый взгляд.

— Не могу. Папа должен сам дать мне одну монету, потому что я старше.

Марти — самый упрямый десятилетний парень в Ирландии. Он не отступит, даже если рискует остаться без танцев.

Я отдал монету папе.

— Папа, можешь дать ее Марти?

— Все, что угодно, ради душевного спокойствия.

И он бросил монету Марти.

Марти сунул ее в карман джинсов и сказал:

— Хорошо. По коням! Нам давно пора.

Младшие подготовили для нас прощальную песню. Как только мы вышли из дверей фургона, они выстроились в ряд и принялись вилять задницами.

— Уилл любит девочек! — запели они. — Уилл лю-ю-юбит девочек!

ПП вторил им, но на свой младенческий лад.

— Почему вы не дразните Марти? — спросил я.

— Мы же не дураки, — прошептал ПП мне на ухо, чтобы мама с папой не слышали.

Но это неправда. Я не люблю девочек. И танцевать я тоже не очень люблю — как-то попробовал в крошечном туалете фургона и сбил в унитаз два рулона туалетной бумаги. Я рвался на «Джигу для мальков» только потому, что

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ

все мои друзья туда ходят, и можно будет лечь спать попозже. Я даже не собирался танцевать.

Мы взгромоздились на велосипед и отъехали. У нас один велосипед на двоих, и мне, как младшему брату, пришлось сидеть на багажнике.

Марти постарался не пропустить ни одной рытвины по пути на дискотеку. И каждый раз кричал через плечо:

— Хоп! Дико извиняюсь. Надеюсь, тебе не очень больно?

Что тут поделаешь? Я держался за него и надеялся, что после этих подскоков не стану танцевать еще хуже, чем было.

Марти проверил передний фонарь.

— Когда будем возвращаться домой, уже стемнеет. Мне не улыбается крутить педали на этой дороге в темноте. Мало ли кто прячется в кустах?

— Выброси это из головы, Марти,— ответил я.— Рассказами о капитане Кроу меня не напугаешь. Малышня в них поверит, но не я.

— Легко быть храбрым сейчас, при дневном свете. Посмотрим, согласишься ли ты в капитана Кроу в темноте.

По части страшилок Марти у нас эксперт. Солнечным летним вечером он заставил меня думать о том, что будет в темноте, когда я снова поверю в призрачного капитана Кроу.

Когда мы приехали на дискотеку, внутри уже было полно народу. Большинство ребят были мне знакомы. Тут были мальчишки и девчонки из Данкейда, а некоторые приехали из Дублина на выходные. Марти вошел в дверь, как король дискотеки, подмигивая девчонкам и хлопая дружков по плечам.

— А где световые эффекты? — спросил я.

— Вон.

Марти кивнул на падающую с потолка полосу фиолетового света. Она даже не двигалась.

— И это все?

Марти усмехнулся.

— А ты чего ожидал? Супер-пупер-лазерное шоу?

Его дружки покатались со смеху.

Я кипел от злости. Опять обман! Когда же я перестану ловиться на его выдумки?

Внезапно у Марти изумленно перекосилось лицо.

— Смотри! «U2»!

Я чуть не задохнулся.

— Где?

— У тебя во сне, где же еще? — Марти так хохотал, что у него заболела челюсть. — Ты такой легковверный.

Я выглядел вовсе не так круто, как надеялся, и чувствовал, что дальше будет хуже. Пожилой человек забрался на маленькую сцену и постучал по микрофону. Это был мистер Уотт, смотритель маяка в Данкейде.

— Приветствую вас, мальки, — сказал он. — Добро пожаловать на джигу. Среди вас есть новички, и они, наверное, немного стесняются. Поэтому давайте стройтесь для «Пола Джонса»*.

Пол Джонс? Что за Пол Джонс?

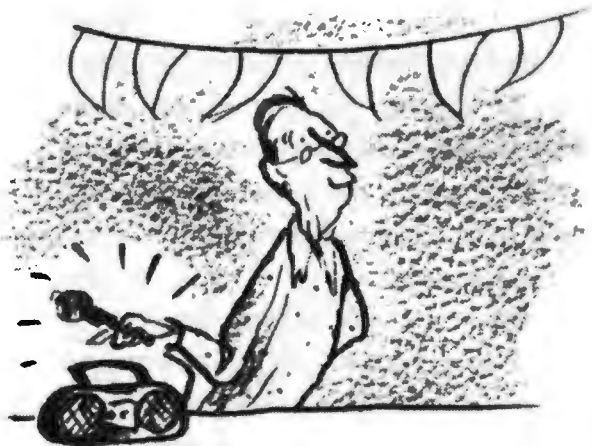
— Какой еще?..

Больше я ничего сказать не успел. Марти схватил меня за руку и поволок по залу, завывая, как обезумевший волчонок. За другую руку меня схватил один из ненормальных дружок Марти. Он тоже завывал.

— Что за Пол Джонс? — прокричал я, перекрывая вой и топот.

— Мы сделаем два круга, — между завываниями ответил дружок Марти. — Парни во внешнем круге, девчонки во внутреннем. Когда му-

* «Пол Джонс» — танец, в котором мужчины перехватывают друг у друга партнерш; предположительно назван по имени известного шотландского моряка.

зыка смолкнет, ты танцуешь с девчонкой напротив.

«Танцую с девчонкой напротив? Но я не хочу танцевать с девчонкой!»

Мистер Уотт включил маленький CD-плеер и укрепил микрофон над громкоговорителем. Зал наполнила мелодия ирландской джиги.

Марти мчался вдоль наружного круга, подпрыгивая в такт. Человеческая цепочка становилась все длиннее, пока мальчики занимали свои места. Внутри формировался круг девочек, лицом к нам. Наконец Марти догнал последнего мальчика, и мы тоже встали в круг. Мальчики двинулись в одну сторону, девочки в другую. Я заметил в обоих кругах нескольких новичков. Они нервничали не меньше меня.

Мистер Уотт наклонился к микрофону.

— Когда музыка смолкнет, берите своего партнера за руку. Танцуем старинный вальс.

Мы ходили кругами, пока голова не закружилась. Девочки так и мелькали мимо, блестя зубы и волосы. Я почувствовал, что меня вот-вот стошнит.

Музыка смолкла. Марти и его дружок отпустили мои руки и бросились к своим партнерам. И тут до меня дошло! Когда выключают музыку, ты танцуешь с той, которая останавливается напротив.

Я поднял взгляд на стоящую передо мной девочку. Она была на фут выше меня и вовсе не в восторге от того, что оказалась напротив новичка.

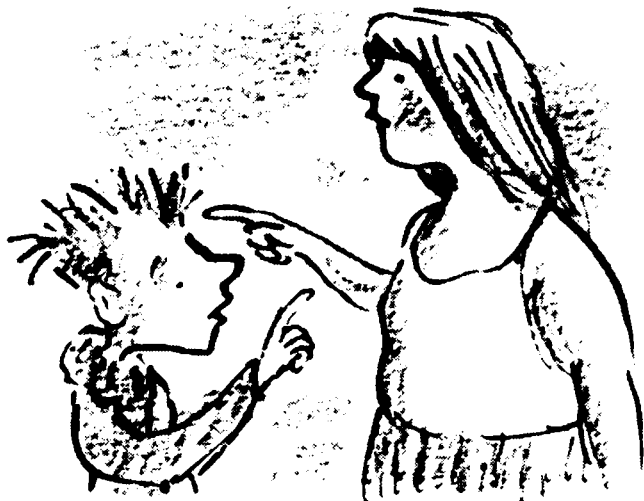
— Что с твоими волосами? — Она кивнула на мои пропитанные гелем и торчащие пиками волосы.

Но у меня, что ни говори, четыре брата, и обмен колкостями у меня в крови.

— А что с твоим лицом? — спросил я.

Она двинула меня кулаком в плечо. Прилично так двинула.

К тому времени, когда боль утихла, девчонка исчезла. Я помчался в туалет и отсиживался там до конца вальса. И вышел оттуда как раз вовремя, чтобы принять участие еще в одном

туре «Пола Джонса». На этот раз девочка, напротив которой я оказался, только посмотрела на меня и разрыдалась.

— Почему я? — плакала она. — Почему я всегда нарываюсь на чудиков?

Она достала из кармана мобильный телефон и позвонила матери, чтобы та приехала и забрала ее.

На третьем туре «Пола Джонса» девочка просто сделала вид, что меня нет. Глядя сквозь меня, она испустила тяжкий вздох.

— Мне, видно, придется переждать этот танец, — заявила она и быстро ушла с танцплощадки.

Никто не хотел танцевать с новичком. Точнее, никто не хотел танцевать ни с одним из новичков. Все девятилетки остались без пар и столпились около двери, молясь, чтобы поскорее пробило десять часов. Еще несколько «Полов Джонсов», и мы будем свободны.

Но нам не повезло.

В десять минут десятого мистер Уотт вытащил черную глазную повязку, надел ее и прохрипел в микрофон голосом киношного пирата:

— Есть тут сегодня вечером девятилетние мальчишки?

«Ну нет,— мелькнула мысль.— Ни за что не признаюсь, что мне девять, даже если это фальшивый пират».

Но тут снова вмешался Марти.

— Есть один,— прокричал он, схватил меня за руку и поднял ее.— Еще совсем недавно ходил в памперсах.

Я вырывался, но было поздно — меня заметили.

— Ага, юный Вудмен. Ну-ка выйди на середину.

Я не хотел идти, но Марти грубым пинком вытолкнул меня, и я оказался в центре внезапно опустевшей танцплощадки. Правда, в оди-

ночестве я оставался недолго. Ко мне присоединились еще несколько девятилеток, выданных своими братьями и сестрами. Мы жались друг к другу, как испуганные кролики в окружении волков.

Видимо, мистер Уотт заметил, что мы дрожим. Он заговорил своим, не «пиратским» голосом.

— Не нужно бояться, мальчики. Просто маленькая шутка. Жутко забавная шутка!

Потом обычные огни погасли, и на потолке зажегся один фонарь, фиолетовый. Он освещал не зал, а огромные фрески, которых я не замечал прежде. Там были изображены кроваважские пираты с золотыми зубами, мечами и мушкетами. Они возвышались над нами, готовые наброситься.

Девятилетки чуть в обморок от страха не попадали. Все остальные дико веселились.

— Мы каждый год играем в эту игру с новичками,— продолжал мистер Уотт.— Мы называем ее...

— ВЫБОР КАПИТАНА КРОУ! — провыли остальные дети. Похоже, они весь вечер этого дожидались.

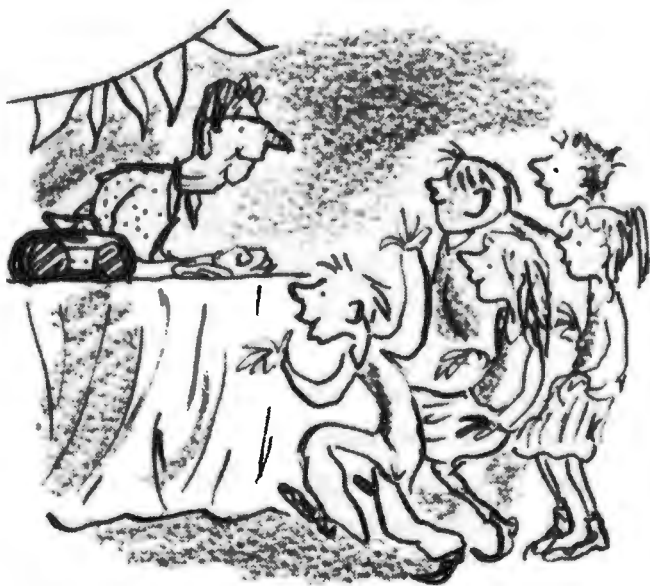
— Правильно,— продолжал мистер Уотт.— Победитель нашей маленькой игры получит титул «Выбор капитана Кроу» и потрясающий

приз. Правила просты. Капитан Кроу потерял что-то очень дорогое и хочет, чтобы вы эту вещь нашли. Но искать придется в темноте. Как только заиграет музыка, все девятилетки начинают обыскивать танцплощадку.

— Что нужно искать? — спросил мальчик рядом со мной.

Мистер Уотт захихикал.

— Ох, ты поймешь, когда найдешь. А теперь попрошу старших мальчиков и девочек сесть у стен и веселыми криками подбадривать тех, кому они отдают предпочтение.

я не хотел стать «выбором капитана Кроу» даже понарошку.

Все кричали и визжали, подсказывая девятилеткам, где искать, но я не обращал на них внимания. Меньше всего мне хотелось найти то, что потерял капитан Кроу.

«Не останавливаясь, ползи к выходу, — говорил я себе. — Ты уже рядом».

Потом моя рука наткнулась на что-то. Вернее, во что-то всунулась. И это что-то кусало меня за пальцы.

— Ой! — завопил я и вскочил. — Крыса!

— Ага! — произнес мне прямо в ухо голос мистера Уотта. — Похоже, у нас есть победитель.

Вспыхнул свет, и я увидел, что мою руку сжимает заводной зубной протез. Зубы были выкрашены золотой краской.

Мистер Уотт дожидался рядом с протезом, пока кто-нибудь наткнется на него. Он поднял мою руку, словно у победителя в боксе.

— Уилл Вудмен нашел зубы капитана Кроу. Значит, он получает приз!

Ага, приз. Мне полагается приз. В конце концов, я нашел зубы. Мистер Уотт потащил меня на сцену, открыл коробку и стал обряжать меня в пиратский костюм. Сначала повязка на глаз и рубашка. Потом игрушечный меч и чер-

ный пояс. И наконец, шляпа со скрещенными костями и черепом.

— Где же приз? — спросил я.

— На тебе, — криво улыбнулся мистер Уотт и снова взял в руки микрофон. — А теперь поприветствуем Уилла, официально признанного юнгой капитана Кроу!

Все бурно радовались, будто это большая удача — стать юнгой призрака. А вдруг капитан Кроу услышит, как они веселятся, и придет посмотреть, из-за чего шум? Если он действительно будет искать здесь юнгу, кого он выберет? Конечно же, девятилетку в пиратском костюме.

ГЛАВА 4

НА СКАЛАХ

После дискотеки Марти ждал меня снаружи, рядом с велосипедом. Но он был не один — на багажнике сидела девочка. На моем багажнике! Я с ужасом понял, что это та самая девочка, двинувшая меня в плечо после первого тура «Пола Джонса».

Я потянул Марти за руку, чтобы его ухо приблизилось к моим губам.

— Что она делает на моем багажнике? — прошептал я. — Скажи ей, пусть слезает. Нам пора ехать. Вспомни — десять тридцать.

Марти вздохнул и обнял меня за плечи.

— Дело вот в чем, Уилл. Прекрасная Маргарет попросила меня подбросить ее в деревню.

— Но она же девчонка! — прошипел я. — На фиг нам сдались девчонки? И она толкнула меня.

Марти усмехнулся.

— Правда? Класс! Мне она нравится.

— Папа велел вернуться в десять тридцать, Марти. Или нас больше никогда не отпустят одних.

— Десять тридцать. Без проблем.

До меня никак не доходило.

— Как это без проблем? Ты не успеешь отвезти домой Маргарет и приехать за мной. Нужно отделаться от нее.

— О чем ты? — спросила Маргарет.

Я спрятался за Марти.

— Так, ни о чем. Я пошутил насчет твоего лица. Ты красивая. Честно.

— Ты прав, — сказал Марти. — Я не успею съездить туда и обратно. Поэтому тебе придется пойти домой через скалы и встретить меня у дома.

Я захихикал.

— Мне слышалось, что ты предлагаешь мне идти домой через скалы.

Марти усмехнулся.

— Умница. Я знал, ты поймешь.

— Марти! Ты рехнулся? — пораженно воскликнул я. — Я не могу идти через скалы. Правило второе: ни шагу в сторону скал. Мы же подписались!

Марти двинулся к велосипеду.

— Мама и папа ничего не узнают. Можешь остаться здесь, и тогда нас обоих ждут неприятности. А можешь припустить через скалы и явиться домой вовремя.

Я схватил его за руку.

— А как же...

— Капитан Кроу? Признайся, ты собирался сказать про капитана Кроу? Ты думаешь, он станет гоняться за тобой, потому что тебе девять лет и ты нашел эти зубы!

Именно это я и собирался сказать. Но уже не мог.

— Конечно нет. Какая-то дурацкая история про призраков. Вот только ночью на скалах темно и луны не видно.

Марти закатил глаза.

— Ладно, дорогуша, вот тебе.— Он отцепил от велосипеда фонарь и сунул его мне.— Не сходи с тропинки.

Ценный совет, ничего не скажешь. От того самого человека, который посылает меня ночью через скалы.

— Марти, ну пожалуйста!

— Чего тебе бояться? У тебя же есть меч!

Меч! «Призовой» игрушечный меч был сделан из картона, таким оружием не напугать даже кролика, не то что призрак пирата. Однако я понимал, что спорить с Марти бесполезно. Если он что-то вбил себе в голову, будет упрямо стоять на этом.

— Увидимся через полчаса.— Я включил фонарь.— У дома.

Марти сел на велосипед.

— Да уж постарайся. Если ты не явишься, я скажу папе с мамой, что ты завел подружку и отказался идти домой.

— Это нечестно! — крикнул я вслед велосипеду.— Я ненавижу девчонок.

— Что ты сказал? — спросила Маргарет.

— Ненавижу девчонок! — крикнул я и побежал по тропинке, уходящей к скалам. — А тебя даже больше, чем всех остальных, вместе взятых.

Тропинка через скалы была гораздо короче дороги. И гораздо опаснее: здесь были скалы, и полные воды трещины, и тени, где мог скрываться кто угодно. И конечно, Зубы Капитана Кроу. Этим вечером вода покрывала их на глубину в два метра.

Я шел так быстро, как только осмеливался. Среди скал нужно соблюдать осторожность,

особенно в темноте. Иногда морские водоросли растут прямо на тропинке: стоит сделать один неверный шаг, и соскользнешь к самой воде. Я неплохо знал эти скалы — но не настолько хорошо, чтобы бежать через них ночью. Насколько хорошо их не знает никто.

Мои мысли все время возвращались к капитану Кроу. Конечно, все это чушь, чепуха. Я не верю в призраков, а тем более в призраков с золотыми зубами, которые охотятся на девятилетних юнг. Но лучше бы мне было десять лет. Или восемь. Сколько угодно, лишь бы не девять.

Мне хотелось скинуть пиратский прикид, но я понимал — это равносильно признанию, что капитан Кроу действительно бродит среди скал. Ну, я и остался в дурацком костюме, только повязку с глаза снял. Глупо идти по каменистой тропе, закрыв один глаз.

Я знал название всех скал, мимо которых проходил. Белая Полоса, Чайкин Клюв, Скала Бога, а дальше Зубы Капитана Кроу. Я обойду их, и под водой ничего не будет мерцать. Абсолютно ничего. И даже если что-то сверкнет, это всего лишь фосфоресценция. И никаких пиратских зубов. Да нет, ничего там не засверкает. Ничего там нет.

Я направил свет велосипедного фонаря на тропу перед собой. Если смотреть только под ноги, я вообще не увижу скал. Хотя какая разница, увижу я их или нет? Это всего лишь скалы. Но лучше не глядеть. На всякий случай.

И все же я посмотрел, не удержался. Позволил взгляду на миг скользнуть по воде. Этого хватило, чтобы заметить жуткое сверкание под водой. Золотистое сверкание. Зубы. Не шучу — это выглядело так, будто на дне лежал лунный серп.

Я застыл как вкопанный.

Это невозможно. Просто после всех идиотских сказок о капитане Кроу воображение сыг-

рало со мной злую шутку. Я закрыл глаза и сосчитал до пяти.

«До свидания, сверкание,— подумал я.— Приятно было познакомиться».

Однако стоило открыть глаза, как вода снова засверкала — огромный полумесяц, сотканный из миллиона крошечных золотистых полумесяцев.

— Хватит! — закричал я.— Перестань!

Я понимал, что обращаться к океану нелепо, но это меня не останавливало.

— Ты обычная фосфоресценция! — надрывался я.— Зубы тут ни при чем, и я тебя не боюсь!

Это была неправда, но мне не хотелось, чтобы Зубы Кроу догадались о моем ужасе. Я стоял там в пиратском костюме и дрожал. Марти был прав. Ночью гораздо легче поверить в призраков.

«Не останавливайся, продолжай идти»,— сказал я себе.

Все, что от меня требовалось, это не останавливаться. Впереди уже поблескивали огни Данкейда. Через две минуты я буду в деревне, а через четыре минуты — в своей постели.

«Иди! — приказал я себе.— Иди, придурок! Это же легко. Ты научился ходить, когда тебе стукнуло полтора года».

Однако я не мог идти. Мог только стоять и таращиться на воду, ожидая новой вспышки.

«Ах, так? Ну хорошо. Если капитан Кроу вернулся, он прямо на тебя и наткнется, пока ты стоишь здесь и поджидаешь его. А если это фосфоресценция, ты будешь торчать тут до завтра, пока тебя не найдут, холодного и окостеневшего. Двигай к дому!»

Наконец я пошел, сначала медленно, потом все быстрее. Это оказалось не так уж трудно. Навыки возвращались ко мне. Еще чуть-чуть, и я перешел на медленную рысь.

— Фосфоресценция! — завопил я снова. На случай, если в первый раз Зубы Кроу меня не расслышали.

Я быстро шагал по тропинке и старался полностью игнорировать океан. Вспышки под водой прекратились; может, их и вообще не было.

Чтобы отвлечься, я ругался вслух.

— Тупой Марти и его тупой велосипед. Тупая «Джига для мальков». Тупой «Пол Джонс». Тупая Маргарет. Что с моими волосами? А что с ее лицом?

Когда этот поток иссяк, я запел.

— Уилл любит девочек! Уилл лю-ю-бит девочек!

Получилось неплохо.

Я с увлечением распевал эту песню, когда услышал звук. Этот звук я никогда не забуду. Ужасный, завывающий стон, разнесшийся по берегу.

— Уил-л-л-л!

Я попытался обмануть себя — дескать, это какой-то шум, а вовсе не голос, выкрикивающий мое имя. Может, где-то рядом мычит корова. Но потом я вспомнил, что по этим скалам коровы не ходят. На известняковых отмелях они могут споткнуться и упасть.

— Не подходите! — закричал я. — У меня меч!

Снова послышалось стенание, и теперь не было сомнений: это голос.

— Уил-л-л-л!

И он определенно выкрикивал мое имя. Фосфоресценция не может говорить. Это капитан

Кроу, он вернулся за своим юнгой. Возможно ли такое?

— Это не я! — закричал я во тьму. — Я не бил вас топором. Это ошибка!

Но призраки не боятся ошибок. Призраку годится любой девятилетний мальчик.

— Мне всего восемь! Честное слово.

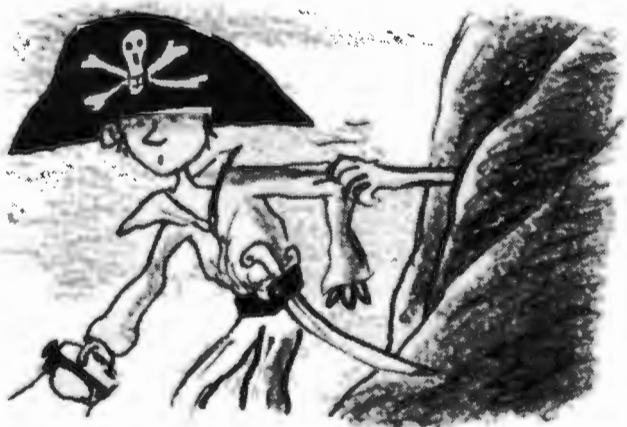
Говоря это, я скрестил пальцы.

— Иди-и-и-и сюда-а-а-а, юнга!

Конечно, он думал, что я юнга. Я же одет как пират.

— Нет, нет, вы ошибаетесь! Это маскарад-ный костюм. Смотрите, меч из картона. — Я выхватил меч и порвал его пополам. — Видите?

— Ты-ы-ы-ы мой юнга! Иди-и-и-и ко мне-е-е-е!

Я не знал, что делать. Призрак капитана Кроу хотел утащить меня на свой корабль. У меня было два выхода: убежать или повиноваться его приказу. Если я побегу, то, скорее всего, свалюсь в какую-нибудь трещину, а если нет, капитан Кроу легко догонит меня. Он еще сильнее разозлится из-за того, что ему пришлось гоняться за мной, и заставит меня выполнять самую черную работу на «Саломее». Может, он будет добрее, если я послушаюсь?

— Сю-ю-юда! — взывал пират. — Поспеши!

— Сейчас, капитан, сейчас, сэр, — пролепетал я и направил луч фонаря на голос, пытаюсь разглядеть фигуру в тени среди скал.

Но тьма, словно краска, водоворотом клубилась вокруг луча света, а за ним я видел ту же тьму, прорезанную белыми пятнами известняковых отложений.

Я сошел с тропы.

— Привет, капитан. Как ваша голова? У моей мамы есть парацетамол, и если вы позволите мне сбегать домой...

— Ты-ы-ы никогда бо-о-о-льше не уви-и-и-идишь свой дом. Тебя-я-я-я избрали-и-и-и...

На мгновение испуг сменился злостью. Все из-за этого мистера Уотта и его дурацкой игры!

— Это же игра! Заводной протез. Ненастоящие зубы.

И тут в свете фонаря я внезапно увидел, как из тьмы появилась рука и вцепилась мне в рубашку. Это было самое страшное мгновение моей жизни. Я испугался даже сильнее, чем в три года, когда я заметил у себя на руках волосы и Марти объяснил, что меня усыновили, что родом я из семьи обезьян, которые в любой момент могут забрать меня обратно.

— Отпустите! — закричал я и попытался вырваться, но рука держала крепко.

— Наконец-то я дождался тебя, — произнес голос капитана Кроу.

— Простите, что опоздал, — залепетал я. — Я был на «Джиге для мальков». Это дискотека для тех, кому от девяти до одиннадцати. Я ходил туда с Марти. У нас один велосипед на двоих, и я ехал на багажнике. Там была такая штука под названием «Пол Джонс». Девочка, которая останавливается напротив тебя, танцует с тобой, но может и отказаться, если не хочет. Вы, наверное, сами все знаете...

— Заткнись! — рявкнул капитан Кроу. — Ты пойдешь со мной в море.

В этот момент море вспыхнуло и зашипело, словно под водой взорвали фейерверк.

— А-а-а-а! — взвыл капитан Кроу, но уже не таким ужасным голосом. — Зубы! Мои зубы!

Он выпустил мою рубашку, его рука снова исчезла во тьме. Это было очень странно.

Снизу донеслись глухие удары и ворчание, как будто капитан Кроу застрял в скалах. Однако призрак, ясное дело, не может нигде застрять.

— Эй, капитан Кроу? — робко спросил я. — С вами все в порядке?

Я напряженно ждал ответа, хотя не был уверен, что хочу его услышать. Потом послышался звук, похожий на шум небольшой волны. А может быть, вздох.

— Уилл, мне нужна помощь,— произнес голос из тьмы.— Вытащи меня отсюда. Уже почти половина.

Еще страннее. С какой стати капитан Кроу волнуется из-за того, что уже почти половина одиннадцатого? Это волнует только двух людей: меня и...

Я провел лучом фонаря вдоль скалы, чтобы осветить того, кто там застрял...

— Марти! Это не пират!

В первое мгновение я обрадовался, но ненадолго. Потом я понял, что произошло, и по-настоящему рассердился.

— Ты все заранее придумал! Еще одна твоя выходка!

Марти не выглядел виноватым, но я заметил кое-что еще. Что-то случилось с его ртом. Он выглядел необычно.

— Ох, Марти, у тебя с переднего зуба слетела коронка!

— Знаю,— с несчастным видом ответил он.— Я проглотил ее.

— Ну, поделом. Прятаться среди скал, разыгрывать капитана Кроу! Сколько ты заплатил Маргарет?

— Два евро.

— Два евро? Значит, вы притворялись, что ты везешь ее домой?

— Да.

У меня возникло желание бросить Марти в скалах. Но я не смог. Все-таки он мой брат, и если в десять тридцать мы не вернемся домой, нас обоих накажут, независимо от того, кто виноват.

Я провел световым лучом вдоль тела Марти. Он втиснулся в маленькую расщелину, наружу торчала только голова. Застрял, как пробка в бутылке. Велосипед лежал рядом. Марти сошел с ума — решился ехать по тропе в темноте! И все ради того, чтобы разыграть меня.

Я схватил его за свободную руку и потянул. Не слишком сильно.

— Да уж, ты застрял прочно.

Марти побледнел так, что его лицо почти светилось в темноте.

— Ты должен вытащить меня отсюда. Зубы Кроу сверкают. Видел?

Нужно было ответить: «Это просто фосфоресценция». Но я поступил иначе.

— Да, я видел вспышку. Однако ты увяз. Я сейчас приведу папу.

— Пожалуйста, Уилл! Кроу разделяется со мной. Не бросай меня, мы же братья!

Марти выглядел таким испуганным, что я больше не мог на него сердиться. Схватил его за руку и дергал до тех пор, пока брат не выскочил из расщелины.

Мы вскарабкались на каменистый выступ, таща за собой велосипед. Я прицепил на место фонарь, и в его свете мы быстро поехали в деревню. Марти помалкивал, но каждые несколько секунд оглядывался через плечо.

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ

Когда мы добрались до деревни, он немного расслабился, но тут же заволновался из-за папы и мамы.

— Мне конец, — твердил он. — Знаешь, сколько стоит эта коронка? А я ее потерял...

Я захихикал.

— Вовсе не потерял. Через день-другой она выйдет наружу. Может, удастся приклеить ее обратно. — Я подхватил велосипед. — А теперь пошли. Поговорим позже — если я решу, что с тобой стоит разговаривать.

В первый раз Марти не стал спорить и сделал то, что ему сказали.

ГЛАВА 5

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ МИНУТ И СОРОК ВОСЕМЬ СЕКУНД...

Папа посмотрел на часы, когда мы появились у двери.

— Десять часов двадцать девять минут и сорок восемь секунд.— Он поднял на нас взгляд.— Ох, мальчики, вы вернулись. А я не ожидал вас раньше одиннадцати.

— Ха-ха, папа, очень смешно,— сказал я.

Марти молчал, чтобы не показывать передние зубы.

— Как джигга? — спросила мама.

Обычно отвечал Марти, по старшинству, но сейчас он предоставил это мне.

— Ужасно,— ответил я.— Никогда в жизни больше туда не пойду. Старый мистер Уотт хотел, чтобы мы танцевали с девочками.

— И с кем же ты танцевал, Уилл?

Я оглянулся на Марти. Обычно он не упускал случая подразнить меня, но теперь молчал как рыба.

— Да никого особенного там не было. На следующей неделе не пойду.

— А ты, Марти? Хорошо провел время?

Марти кивнул.

— Угу.

Мама что-то заподозрила.

— Что это значит «угу»? Никаких проблем, надеюсь? Ты ничего не натворил, милый?

На этот раз Марти просто покачал головой и потянулся, словно очень устал.

— Марти сильно утомился, — объяснил я. — Думаю, это из-за цыплячьего танца. Ну, он сам так его называл. Все ребята так смеялись, од-

ного даже вырвало! Мистер Уотт сказал, что не видел танцора хуже Марти. Что Марти танцует, словно конь пытается ездить на велосипеде.

Я уставился на брата с вызовом, надеясь, что теперь он ответит. Но он не мог.

Мама закрыла книгу, которую читала.

— Перестань, Уилл. Не дразни его. Вам обоим пора в постель.

Марти удрал в нашу крошечную спальню, пока его не попросили поцеловать родителей на ночь. Следом за ним я тоже скинул одежду на пол и нырнул в постель.

Я старался заснуть, но не мог, потому что Марти дергался и ворочался на своей койке, отчего вся спальня тряслась. В конце концов мне пришлось постучать ногой по койке Марти. Он включил фонарик и слез вниз.

— Что с тобой? — спросил я.

Марти посмотрел на меня так, словно я не в своем уме.

— Что со мной? Нас чуть не поймал капитан Кроу, а ты спрашиваешь, что со мной!

Я улыбнулся, прикрывая рот ладонью. Марти по-прежнему считал, что мерцание под водой вызвано призраками.

— Я видел вспышку, Уилл. Мне не почудилось. Я прятался за скалами, а когда выскочил, чтобы испугать тебя, Зубы вспыхнули.

— И ты решил, что капитан Кроу пришел за тобой,— прошептал я.

— Так и есть.

Можно было бы порадоваться тому, что Марти попался в собственную ловушку, но я понимал: эта история будет мучить его все лето.

— Ты не знаешь, что эти вспышки — фосфоресценция?

Марти нахмурился.

— Фосфор... что?

— Фосфоресценция. Крошечные частицы мерцают, когда море тревожит их. Нет никаких пиратов. Это наука. Учись, дурак.

Брови Марти поползли вверх, потом вниз, а лицо последовательно отразило недоверие, облегчение и, наконец, злость. Он хмуро посмотрел на меня.

— Мог бы и раньше сказать.

— Не мог. Я был занят — дрожал от страха, пока кто-то изображал пирата.

Марти полез обратно на свою койку, но вдруг остановился.

— Сегодня вечером? Ты правда подумал, что капитан Кроу настоящий? И испугался? Правда-правда?

— Да,— признался я.

— И я тоже,— уже спокойнее сказал Марти.— Ужас какой-то.

— Точно.

Марти вскинул руку.

— Я заключу с тобой сделку. Обещаю: никаких шуток до конца лета. Потому что эта шутка была дурная.

Я обрадовался, услышав это.

— Согласен.

Мы пожали друг другу руки.

Марти держал обещание целых четыре дня. На пятый день он убедил меня в том, что я лысею. Но четыре дня — это даже больше, чем я рассчитывал.

Брат отправился в постель, а я стал быстро засыпать. Забавно, но мне полегчало, когда я узнал, что Марти испугался Зубов Капитана Кроу. Это именно то, о чем говорил папа,— флуоресценция. Редкое явление. Мне повезло, что я его увидел.

На следующее утро ПП бросил свой детский лепет. И сделал это не без причины: он кое-что узнал и не хотел, чтобы это пропало зря. Как обычно, ПП встал раньше всех. И как обычно, стал совать всем под нос грязный носок — на случай, если кто-то не проснулся.

Когда он добрался до Марти, тот приоткрыл один глаз и широко зевнул.

Все бы ничего, но при этом показались его передние зубы. И целые, и один, наполовину обломанный.

— Марти опять сломал зуб! — на прекрасном английском языке заверещал ПП.— Мамочка, папочка, Марти сломал зуб! А ты знаешь, сколько он стоит?

Я быстро выбрался из постели, чтобы посмотреть, как Марти будет выворачиваться.

ЛЕГЕНДА
О САМОМ ПЛОХОМ
МАЛЬЧИКЕ
НА СВЕТЕ

*Посвящается Финну и Шону,
самым хорошим мальчикам на свете*

ГЛАВА 1

ТАК НЕСПРАВЕДЛИВО

У меня четыре брата, и все постоянно на что-то жалуются. Если у меня возникает проблема и я хочу обсудить ее с мамой, передо мной вечно стоит очередь из двух братьев, прибежавших поплакаться по поводу какой-нибудь детской ерунды. Мои-то проблемы серьезные — например, заусеница или пропавший носок, — а они тратят драгоценное мамино время на нытье по поводу измазанных джемом щек или надетых задом наперед свитеров.

У каждого из братьев есть любимая тема, которую они вспоминают каждый день. Мама называет это «коньком». Как только братья начинают ныть, отец фыркает как конь, а на лице у него появляется выражение «опять двадцать пять». Но мама терпеливо выслушивает всех, потому что она — наша мамочка. «Конек» самого старшего брата Марти — жалобы на то,

что ему ничего не разрешают и он живет как в тюрьме.

— Почему мне нельзя завести мотоцикл? — например, скулит он. — Мне уже десять лет, то есть почти шестнадцать. Если я надену шлем, полиция не разберет.

Или:

— А почему нельзя поставить в гараже большой бильярдный стол? Там же нет никаких важных вещей, только старые инструменты да машина. Я сам непременно куплю бильярдный стол, когда стану знаменитым футболистом.

Папа иногда заходит в комнату, чтобы послушать жалобы Марти. Он говорит, что это гораздо интереснее, чем какое-нибудь телешоу.

— Бильярдный стол! — фыркает от смеха папа. — Марти, мой мальчик, ты меня рассмешил.

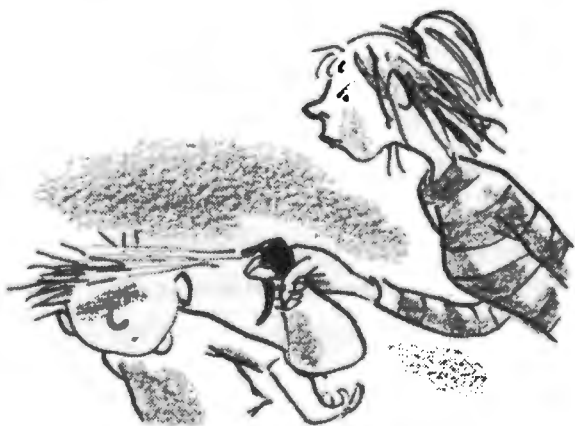
Марти, конечно, хотел услышать совсем другие слова и с обиженным видом выскочил из комнаты. После одной такой выходки папа наградил его картонным «Оскаром», как лучшего актера.

Меня зовут Уилл, и я следующий после Марти по старшинству. За мной идет брат Донни, чей «конек» — прическа. Сколько бы мама ни мыла и ни расчесывала ему волосы, Донни все время что-то не нравится.

— Мама, они торчат на затылке.

И мама послушно приглаживает ему волосы на затылке.

— Все в порядке, Донни, ступай.

— Мама, они еще торчат.

— Нет, не торчат. Донни, у тебя начались волосяные галлюцинации! Ступай, не то опоздаешь в школу.

— Я вижу торчащую прядь. Четко вижу. Девчонки тоже увидят и станут меня дразнить Косматым Дровосеком. Да, именно так и будут дразнить! Какой ужас.

Мама берет пульверизатор и опрыскивает голову Донни водой.

— Так лучше?

— Вроде бы.

Это происходит через день. В остальные дни Донни хочет, чтобы его волосы торчали во все стороны, потому что это круто.

Брат номер три и брат номер четыре — Берт и ПП — используют особые слова, чтобы нытье звучало более убедительно. У Берта это слово «монна».

— Монна плитку шоколада?

— Только не перед обедом, милый.

— Монна кусочек? Один кусочек.

— Нет, милый, обед почти готов.

— А монна пакетик чипсов?

— Кажется, ты меня не понял, Берт. Никаких сладостей или чипсов перед обедом.

— Монна пастилку от кашля?

— Пастилки — тоже сласти, милый.

ПП (Полпинты) — самый младший, и он не может с этим смириться. Для нытья он выбрал слово «неплаведливо». Например: «Неплаведливо, что мама Крисси разрешила ему побрить голову, и теперь он выглядит на пять с половиной лет». Такое заявление он сделал после того, как провел полдня в детском саду.

— За Крисси я не отвечаю,— сказала мама.— Я отвечаю за тебя и поэтому говорю: «Нет бритой голове».

— Неплаведливо! — взвыл ПП.— У Барри есть переводная татуировка, как у больших мальчиков.

— Никаких татуировок. Мы уже говорили об этом.

— Неплаведливо,— настаивал ПП.— А сережку можно? У всех есть сережки. Неплаведливо, что у меня нет.

— Жизнь вообще несправедлива,— заключила мама и принялась укачивать ПП.

Скоро он уже сосал большой палец, а через две минуты крепко заснул. Иногда ПП разговаривает во сне. Догадайтесь сами, о чем...

Я это вот к чему рассказываю. Когда мы с Марти возвращаемся из школы со своими бедами, на каждом мамином колене непременно сидит младший брат и ноет о чем-то своем. Даже если, о чудо из чудес, одно колено оказы-

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

вается свободным, мама все равно уже находится в режиме автокивания. Это такое состояние, когда взрослые не слушают ребенка, а автоматически кивают каждые пять секунд, пока ребенку не надоест и он не уйдет.

Поэтому мы с Марти решили найти другого взрослого для обсуждения проблем. Проще всего было бы обратиться к папе, но он возвращался домой слишком поздно, когда нам пора было ложиться спать. Марти считал, что у папы хватит сил только на одного сына — естественно, на него, Марти. Значит, мне нужен другой человек. Тот, кто умеет слушать и у кого есть много свободного времени. И я знал такого человека.

Это дедушка.

ГЛАВА 2

ДЕДУШКА

Каждые выходные отец загружает нас всех в машину, и мы едем тридцать миль по побережью, чтобы навестить его родителей.

Бабушка и дедушка живут в рыбацком поселке Данкейд. На мысе, который вонзался в море, как наконечник стрелы каменного века.

Дедушка — один из двух смотрителей Данкейдского маяка. Вместе с бабушкой он живет в квартире под маяком, на первом этаже.

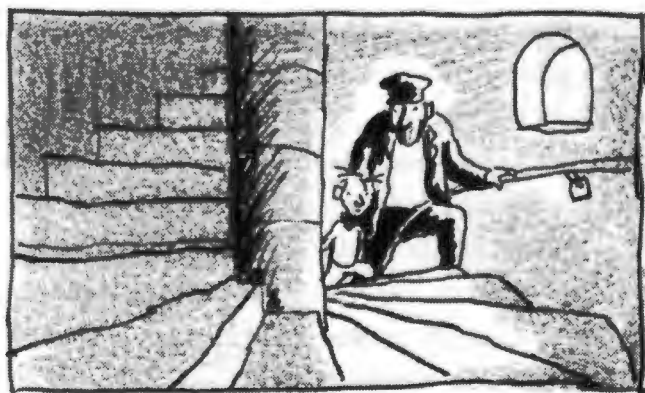
Я давно решил, что стану смотрителем маяка, когда вырасту, и буду жить в дедушкиной квартире. Напишу на двери: «МЛАДШИМ БРАТЬЯМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» Девчонок тоже не буду пускать — кроме мамы, конечно. Маме я бы разрешал иногда приходить: приготовить обед, помыть посуду и все такое прочее.

Дедушка обучает меня премудростям своего ремесла. Каждую субботу мы преодолева-

ем сто шестнадцать ступеней, чтобы подняться на самый верх маяка и отполировать линзы на фонарной площадке. Дедушка надевает специальный брезентовый пояс с кармашками для флакона с полировочной жидкостью, ветоши и фляги с водой. На мой девятый день рождения дедушка подарил мне такой же пояс.

— Я научился шить, когда служил в торговом флоте, — сообщил он, застегивая на мне пояс. — Теперь ты стал моим официальным помощником.

Мне понравилась эта должность — официальный помощник. Марти не хотел помогать дедушке, потому что за это ничего не платили, а младшим братьям было строго запрещено подниматься по узкой винтовой лестнице, потому что это слишком опасно.

Мы с дедушкой вместе поднимались по лестнице. Я считал ступени — проверял, все ли на месте. Но их количество не менялось: сто шестнадцать, если считать первую гигантскую ступеньку за две.

— Это гигантская ступенька Деревянной Ноги,— объяснил дедушка.— Все ступеньки были такими же высокими, пока смотритель Бирн по прозвищу Деревянная Нога, ходивший на протезе, не стесал их. Он начал с верхней и тридцать лет занимался этим, но, увы, умер, не доделав последнюю ступеньку. Все потому, что ступеньки были слишком высокими для него.

У каждой ступеньки была своя история, и дедушка иногда рассказывал эти истории, пока мы поднимались на фонарную площадку. Поднялись мы и на этот раз и тут же решили выпить воды из фляг. Немножко, потому что от ближайшего туалета нас отделяли сто шестнадцать ступенек.

Фонарная площадка была со всех сторон остеклена, чтобы свободно проникал свет. Сверху открывался фантастический вид на море. Прямо перед нами рядами накатывались на берег волны с белыми гребешками, а позади разрезала воду серая линия мыса.

— Американцы заплатили бы большие деньги за такой вид из окна,— говорил дедушка.

Он говорил это каждый раз, когда мы сюда поднимались, и наверняка был прав.

Насладившись прекрасным видом, мы забирались по деревянной лестнице к самому фонарю и как будто попадали внутрь гигантской стеклянной вазы. Здесь можно было представить, как выглядит мир с точки зрения золотой рыбки. Линзы увеличивали буквально все, и присевшая на стекло муха превращалась в огромное пучеглазое чудовище.

Однажды в субботу, когда мы находились внутри фонаря, я рассказал дедушке о своей проблеме.

— У меня есть проблема, дедушка,— сообщил я, наливая немного жидкости на любимую тряпку.

— Что за проблема, боцман?

Дедушка называл меня боцманом, то есть самым главным человеком на корабле после капитана.

— Проблема в том... что у меня проблемы. Мне некому рассказать о них. Мама и папа вечно заняты.

— Да, это проблема,— согласился дедушка, растирая жидкость по линзе.— Каждому человеку нужен кто-то, с кем можно поговорить.

— Вот я и подумал — может, ты станешь для меня таким человеком? Бабушка говорит, тебе нечем заняться, кроме как полировать линзы.

— Правда? Бабушка так говорит?

— Ага. А еще она говорит, что всю работу на маяке выполняет компьютер, а ты только торчишь здесь и делаешь вид, что занят.

— Понятно. И ты решил, что у меня полно времени и я мог бы выслушивать рассказы о твоих проблемах?

— Да, точно.

Дедушка перестал полировать линзу.

— Ладно, боцман. Заключим сделку. Я буду выслушивать твои трогательные истории, а ты — мои.

По-моему, сделка была честной, и я протянул дедушке руку.

— Договорились.

Дедушка пожал мне руку.

— Одна история в неделю. Мне не хочется засыпать в слезах каждую субботу.

— Одна в неделю.

— И если проблемы у тебя несерьезные, преувеличь их немного, чтобы было поинтересней. Вообще-то я люблю рассказы о диких животных.

— Хорошо, дедушка, — согласился я.

Правда, мои дела не имели ни малейшего отношения к диким животным. Разве что соседский кот вечно шипел на меня, но какая это проблема?

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

Дедушка закончил протирать линзы и спрятал тряпку в кармашек на поясе.

— Значит, договорились. В следующую субботу — первый раунд. Надеюсь, с тобой случится что-нибудь по-настоящему скверное, потому что мне давно хочется облегчить душу.

Вы не поверите, но я тоже надеялся, что со мной произойдет какая-нибудь скверная история. Лучше всего — с дикими животными.

Глава 3

ОЛОВЯННАЯ ФОЛЬГА

Я едва дождался выходных, чтобы поскорее оказаться в Данкейде. Мне не терпелось рассказать о том, что произошло со мной в школе. В тот самый момент, когда это происходило, я уже думал, как расскажу обо всем дедушке. В такой истории не хватало только гориллы или визгливой макаки.

Дедушка не позволил мне начать рассказ, пока мы не приступили к полировке линз.

— Ладно, боцман,— наконец сказал он.— Давай, я слушаю. Ты с трудом сдерживаешься, у тебя даже лицо покраснело.

— История просто невероятная,— ответил я, очистив от пыли большой круг на линзе.— Тебе не удастся меня переплюнуть.

— Посмотрим, боцман. Посмотрим.

И я рассказал дедушке о том, что со мной случилось.

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

— Неделя была скучной, почти никаких событий. Я уже думал, мне будет не о чем тебе рассказать. И тут наступил четверг.

— Это часто случается,— заметил дедушка.

— В общем, я сидел в классе на уроке. Вел себя примерно, как обычно.

— Какой кошмар,— отозвался дедушка.

— Нет, не в этом дело. Ужасное событие произошло около двух часов дня. Я был вынужден обратиться к учителю — точнее, к учительнице — за разрешением выйти в туалет.

Дедушка прекратил работать.

— И все? Скажи, что я ошибаюсь.

— Ты ошибаешься. Я вошел в туалет и увидел, что там нет туалетной бумаги. Причем я увидел это после того, как... Ты понимаешь, о чем я.

— О,— сказал дедушка,— и правда скверно.

— Поэтому мне пришлось попросить учительницу принести мне бумагу,— договорил я, закрыв лицо руками.— Все это слышали. Было ужасно стыдно. Ты даже не представляешь.

Поделившись с дедушкой, я сразу же почувствовал себя лучше. Стоит поговорить о проблеме, и становится легче.

Дедушка презрительно хмыкнул.

— Чепуха. Если хочешь узнать про настоящую проблему с туалетной бумагой, послушай меня. Когда я был маленьким, мы вообще не могли позволить себе покупать туалетную бумагу. Вместо нее моя мать использовала то, что было под рукой. Газеты, плотные пакеты, даже обрывки картонных коробок. А однажды мне пришлось потереться оловянной фольгой.

— Оловянной фольгой?

Дедушка сурово кивнул.

— Да. После этого моя задница целую неделю оставалась намагниченной! Куда бы я ни направлялся, стрелки компасов и булавки притягивались к ней. Мне приходилось проверять, на что я сажусь.

— Ничего себе! — воскликнул я.

— Ага,— кивнул дедушка.— Вот это серьезная проблема с туалетной бумагой. Ты уверен, что и дальше хочешь обсуждать свои проблемы? Честно говоря, я едва не задремал, слушая твой рассказ.

— Да, я хочу и дальше обмениваться рассказами. Наверняка на следующей неделе со мной произойдет еще что-то ужасное.

К сожалению, самым ужасным событием следующей недели была потеря карандаша. Когда я рассказал об этом дедушке, он в ответ поведал мне жуткую историю о том, как его школьный портфель украл барсук, принявший сумку за другого барсука.

Еще через неделю я не сомневался в том, что победа достанется мне.

Парикмахер поскользнулся, подравнивая мне волосы на затылке электрической машинкой, и выстриг дорожку до самой макушки. Дедушка долго рассматривал эту полосу, затем снял фуражку и показал шрам от укуса акулы на голове.

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

— Да, круто,— вынужден был согласиться я, а потом попросил дедушкину фуражку — поносить.

Ничего не получалось. Что бы со мной ни происходило, дедушка всегда припоминал нечто в миллион раз худшее. Он обращался к своему прошлому и выуживал оттуда сногшибательные истории.

Ему было семьдесят лет, мне девять, и у него, конечно, в запасе имелось множество интересных воспоминаний. А со мной никогда не случилось ничего страшного. Ничего такого, что можно сравнить с укусом акулы. Потом я подумал: может быть, что-то ужасное уже произошло со мной в раннем детстве? Что-то, о чем я не мог вспомнить.

Я решил расспросить папу. Он наверняка помнит, если было что-нибудь по-настоящему страшное. Такое, чтобы удивился даже дедушка.

ГЛАВА 4

ЖЕЛЕЙНЫЙ ПУПСИК

Только в среду мне удалось поговорить с папой. Обычно Марти таскался за ним по пятам, стоило отцу войти в дом, но в среду, к счастью или к несчастью, брат лежал в постели на втором этаже. У него образовался нарыв на десне.

Я дождался, пока папа положит на место свой пояс со столярными инструментами, и сел за стол с чашкой чая.

— Папа, я хочу кое о чем спросить.

— А с Марти ты договорился? — пошутил папа.

— Марти сегодня не может разговаривать. Как только открывает рот, у него от холодного воздуха начинает болеть десна.

— Ну, хорошо. В смысле, плохо. Плохо, что бедняга Марти заболел, и хорошо, что мы можем с тобой поговорить. О чем же пойдет речь, Уилл?

Я забрался на стул.

— У нас с дедушкой соревнование. Каждую субботу я рассказываю ему о своей главной проблеме за неделю, а потом он рассказывает свою историю из прошлого.

— Наверное, это интересно,— сказал папа.— Здорово, когда есть с кем поговорить. И с кем, как не с дедушкой, если ты боцман?

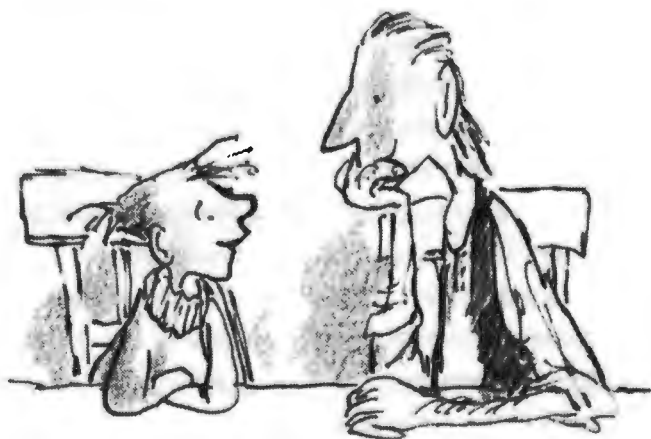
— Я тоже так думал, но...

— Но что?

— Дедушкины истории гораздо интереснее моих. У него акулы, барсуки, оловянная фольга. А у меня — машинка для стрижки и туалетная бумага.

Папа кивнул с серьезным видом.

— Да, акулы поинтереснее, чем машинки для стрижки.

— Не могу вспомнить ни одного ужасного события в моей жизни. Ни единого.

Папа задумчиво потер подбородок, заросший щетиной.

— Ну, было такое событие. Тебе тогда исполнилось два года, и ты вряд ли его запомнил.

Я выпучил глаза.

— Страшное событие?

— О да.

— И опасное?

— Еще как.

— Папа, расскажи! Со всеми подробностями. Мне нужна ужасная и опасная правда.

И папа рассказал мне эту историю. Она была ужасной и опасной, а самое главное — она была правдой.

Шесть лет назад в семье Вудменов было четыре сына, потому что ПП еще не родился. Младенцы Донни и Берт только орали, если требовалось сменить им подгузники, и пытались выбраться из детского манежа. А мы с Марти свободно бродили по дому. Я сам ничего об этом не помню и повторяю слова папы. Но одно я помню точно, хотя прошло семь лет: ежедневных желейных пупсиков.

Каждую пятницу бабушка приезжала из Данкейда навестить внуков. Входя в дом, она

напевала первую строку из песенки собственного сочинения.

— Кто у нас самый лучший мальчик на свете? — пела она и приплясывала.

Тот, кто заканчивал строку словами «это я», получал особую награду: красного желейного пупсика, такого огромного, что его можно было сосать целый день.

Эту награду всегда получал Марти, поскольку он единственный из братьев умел говорить. Он произнес свое первое слово в полтора года, а я заговорил, когда мне было больше двух.

Для меня и других братьев бабушка привозила пупсиков обычного размера, но мы жутко завидовали Марти. Даже Берт, который постоянно размазывал конфеты по волосам, а потом удивлялся, почему его преследуют пчелы.

Марти очень гордился своим огромным пупсиком. Считал, что награда делает его вожаком стаи. Каждую пятницу, крепко зажав пупсика в кулаке, он принимался издеваться надо мной.

— Что это? — спрашивал он, показывая железного пупсика.

— Пупсик, — отвечал я, всхлипывая, потому что знал, что за этим последует.

— А кто у нас Уилл? — задавал Марти второй вопрос, всегда один и тот же.

— Уилл — пупсик, — говорил я, потому что именно этого ждал Марти.

— Значит, это ты и есть, — делал вывод Марти и откусывал пупсику голову.

— А-а-а-а! — ревел я от страха.

Если Марти находился в дурном расположении духа, он сжимал пупсика, пока из его бока не начинало вытекать красное желе.

— Это твои кишки, — сообщал он, и я с плачем убегал к маме жаловаться на Марти.

К сожалению, тогда я знал не больше тридцати слов и мог произнести лишь такую фразу:

— Марти ест железного пупсика.

Звучит не очень-то страшно.

Это продолжалось долго. Старший брат был счастлив, что ему доставался огромный железный пупсик, а остальным — пупсики обычного размера. А я мечтал, как сам допою бабушкину песню, получу награду, и Марти больше не сможет меня дразнить.

Подходящий момент наступил однажды в пятницу — бабушка приехала на день раньше. Когда открылась дверь, Марти был на кухне, Донни и Берт играли в манеже, а я занял идеальную позицию в прихожей.

Бабушка, как всегда, вошла с песней:

— Кто у нас самый лучший мальчик на свете?

Я так разволновался, что еле-еле промямлил:

— Тоя.

Бабушка пощекотала меня под подбородком.

— Ты что-то сказал, малыш Уилл?

Я закрыл глаза, набрал полную грудь воздуха и отчетливо произнес:

— Это я.

— Вот,— сказала проходившая мимо мама.— Похоже, теперь тебе придется приносить пару огромных желейных пупсиков. В доме появился еще один большой мальчик.

Бабушка достала из сумки награду, завернутую в салфетку, развернула и показала мне желейного пупсика. Он лежал у нее на ладони — красный, сочный, такой аппетитный. Я взял его в руки осторожно, как самую драгоценную жемчужину из пиратского клада.

Огромный пупсик достался мне!

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

Марти вышел из кухни как раз в тот момент, когда по моему подбородку уже стекал красный густой джем. Брат не сразу понял, что происходит, но потом увидел бабушку и салфетку в ее руке.

— Мой огромный пупсик! — воскликнул он. — Но ведь большой мальчик — это я!

Я боялся, что начнется скандал. Если Марти выходил из себя, он вел себя непредсказуемо. Но ничего страшного не случилось, Марти развернулся и вышел, не сказав ни слова.

Если бы я знал, что будет дальше, то предпочел бы скандал.

ГЛАВА 5

ПРЫГ ПОД СВИТЕР

Когда Марти увидел, как я наслаждаюсь железным пупсиком, он принял решение. По его мнению, в нашем доме не было места для двоих пожирателей огромных железных пупсиков. Один должен уйти — естественно, не он. Марти решил, что я должен переселиться в какой-нибудь другой дом, в другую семью, но не мог сообразить, как заставить меня уйти. Он знал, что я очень люблю родителей и вряд ли захочу от них уйти.

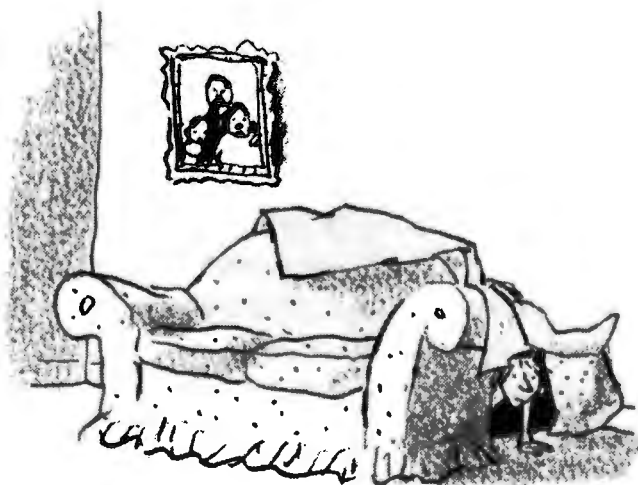
Марти долго думал об этом. Он любил смотреть телевизионные программы о природе и решил понаблюдать за мной, как орнитологи наблюдают за птицами, чтобы найти способ выманить меня из дому. Соорудил за диваном палатку из одеяла и трех подушек, взял с собой все необходимое и залез туда, чтобы шпионить за младшим братом. Бабушка сочла его за-

тею забавной и крайне оригинальной, но понятия не имела, что происходит на самом деле.

Марти просидел в палатке двадцать минут. Для него это было рекордно долго — он почти не мог оставаться на одном месте. Даже в постели Марти крутился как заведенный и порой засыпал на одной кровати, а просыпался на другой.

За двадцать минут старший брат выяснил обо мне следующее.

Во-первых, я часто пускал слюни. Во-вторых, меня еще не приучили к горшку, поэтому часто меняли подгузник. В-третьих, я очень любил ходить по прямым линиям. Последнее я люблю делать до сих пор. Стоит мне увидеть

прямую линию на тропинке, дороге или ковре, и меня тянет пройти по ней, притворяясь цирковым канатоходцем. Я чувствую себя совершенно счастливым, когда иду по прямой линии.

Марти подумал немного об этой моей особенности, и ему в голову пришла мысль. Если найти очень длинную прямую линию и показать ее мне, то я буду идти по ней, пока не найду себе новый дом. Такой план вряд ли можно назвать гениальным, но для четырехлетнего мальчугана он очень неплох.

Случайно Марти знал одну такую прямую линию. Однако она находилась там, куда нам строго-настрого запрещалось ходить. Это мес-

то было крайне опасным, как успел заметить Марти из окна машины. Но он решил, что ради огромного желейного пупсика стоит рискнуть.

Марти подождал, пока мама и бабушка уйдут на кухню, потом выбрался из палатки и подполз ко мне. Я в этот момент танцевал под музыку, звучащую у меня в голове, как часто бывает с двухлетними детьми.

— Эй, Уилл,— сказал Марти и постучал меня по лбу так, словно хотел узнать, есть ли там кто-нибудь.— Хочешь поиграть?

Я потер лоб, но не расстроился. Марти часто стучал меня по голове, и мне казалось, что все дети так здороваются друг с другом.

— Поиграть,— повторил я за ним и кивнул.

Марти почти никогда не предлагал поиграть со мной. Он считал игры с младшими братьями наказанием и, если кто-нибудь просил его об этом, сразу же умолял уложить его в постель.

— Отлично,— сказал Марти.— Будем ходить по линии.

— Ходить по линии,— согласился я.

Марти приложил палец к губам.

— Это секретная игра. Не говори маме.

Я тоже приложил палец к губам и дунул, забрызгав Марти слюной. Когда я был маленьким, мне казалось, что я умею подмигивать и свистеть, хотя у меня ничего не получалось — я просто жмурился и жужжал.

Марти стер слюну с лица моим левым ухом. Вернее, не моим ухом, а ухом синего костюма кролика, в который я был одет. До сих пор помню этот костюм. Я носил его до четырех лет, хотя он предназначался для детей от двенадцати до восемнадцати месяцев. Маме пришлось отрезать от штанов ступни, чтобы я мог в них влезть. Я любил этот костюм, особенно шерстяной капюшон, защищавший мою голову от ветра, и два длинных уха — они забавно хлопали, когда я бежал. В таком наряде я чувствовал себя в полной безопасности. Марти вытирал ушами моего костюма все, что угодно, а если разливал какую-нибудь жидкость, то тащил меня прямо к луже, схватив за голову.

— Я знаю, где проходит самая большая, самая лучшая прямая линия в мире. Хочешь посмотреть?

Я выпучил глаза от восторга.

— Да! Пожалуйста, покажи.— Я всегда был очень воспитанным мальчиком.

— Хорошо, но для этого ты должен прыгнуть под свитер.

«Прыг под свитер» — в эту игру мы часто играли, когда Марти соглашался общаться с младшими братьями. Очень простая игра: надо залезть Марти под свитер, просунуть голову и руки в воротник и рукава, а потом бродить вместе с ним по дому и завывать, как двухголовое четырехрукое чудовище. Маме и папе нравилось на-

блюдать за нами, когда мы играли в «прыг под свитер». Если, конечно, свитер был не новый.

Я не знал, что второго человека, залегающего под свитер, не видно со спины. Бабушка и мама заметили только Марти и решили, что я играю с Донни и Бертом в манеже.

Марти постучал меня по затылку, и я постучал себя по затылку, потому что моя рука находилась в рукаве Марти.

— Встань на мои ноги,— приказал он.

— Ноги, Мари,— повторил я и поставил свои ступни в синих ботинках на его кроссовки.

Когда мне было два года, я не всегда произносил имя брата правильно. Конечно, ему не нравилось, если я называл его «Мари».

— Марти! Мар-ти! Да, будем ходить по линии. Нам нужно выйти за калитку.

— За калитку? — испугался я.

— Да. За калитку. Ты идешь или нет?

— Идешь,— сказал я.

Нам не разрешали выходить за калитку, но я не хотел из-за этого пропустить самую лучшую прямую линию на свете.

— Хорошо. Тогда молчи. Я же говорю, это секретная игра.

Я замолчал. Всем известно, что самые лучшие игры — секретные. Даже двухлетние мальчики это знают.

Итак, Марти вышел через заднюю дверь во двор. Потом обошел дом и при помощи палки открыл защелку калитки. Лет через пять ПП будет использовать ту же самую палку, чтобы открыть ту же самую калитку. Палка оказалась прочной. Открыв калитку, Марти задрал свитер, и я вывалился из него.

— Давай, голубой кролик,— сказал он.— Беги за Марти.

— Беги за Марти,— повторил я, вставая на ноги.

Я был очень взволнован. Самая лучшая прямая линия на свете была совсем близко. Моему двухлетнему воображению она представлялась в виде светящейся белой полосы на небе, завязанной как шнурки, только вместо двойного бантика у нее было лицо.

— Быстрее,— подгонял меня Марти, потому что мама могла раскрыть наш побег в любую секунду.

Помахивая кроличьими ушами, я побежал за Марти по дорожке к главной калитке. Калитка была границей знакомого мира. Я никогда не выходил за нее без взрослых.

— Калитка,— сказал я испуганным голосом.

— Калитка,— согласился Марти.

Он обеими руками схватил пружинную защелку и повис на ней, как обезьяна, пока защел-

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ

ка не опустилась вниз под тяжестью его тела. Весьма полезный навык. Марти не раз открывал калитку этим способом.

Калитка распахнулась, и шум с улицы стал громче.

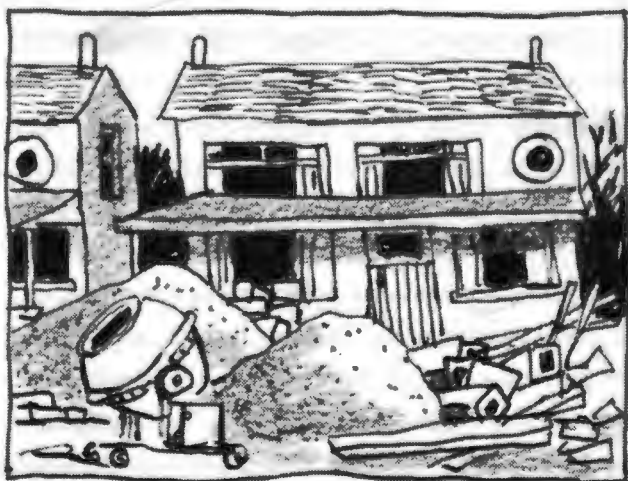
— Мамочка,— произнес я дрожащими губами.

Марти понимал, что вот-вот потеряет влияние на меня, поэтому соображал очень быстро.

— Смотри! — закричал он, вытянув вперед руку.— Линия!

— Линия! — пропищал я в восторге и выбежал вслед за братом в запретную зону.

Наш дом стоял на совершенно новом участке в центре совершенно нового района города.

Вокруг возвышались миниатюрные горы песка и гигантские кубики бетонных блоков.

Не обращая внимания на новехонькие качели и карусели на детской площадке, мы направились прямо к таинственной и чудесной линии.

Пока мы шли по траве, воображаемая линия звала меня: «Быстрее, быстрее. Я жду тебя».

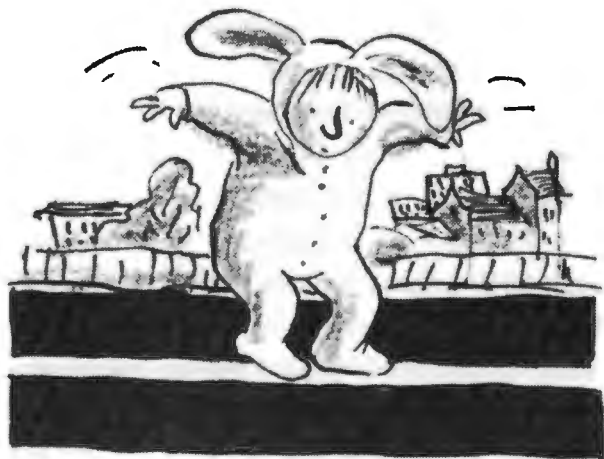
Скоро мы подошли к границе участка. Для меня это была незнакомая территория. От внешнего мира нас отделяла лишь стальная ограда, и сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что стальная решетка не могла остановить такого мальчишку, как Марти.

И мой старший брат, конечно же, нашел место, где можно пролезть под оградой.

— Собаки постоянно здесь лазают, — объяснил он и протащил меня под оградой за кроличьи уши.

Он был прав. От моего кроличьего костюма сразу же запахло собаками. Теперь маме придется стирать его, а мне — бродить вокруг сушилки, пока он не высохнет.

Мы выбрались на обочину широкой дороги. Дороги были абсолютно запретными местами, самыми опасными на свете. По ним с ревом проносились легковые машины и гигантские грузовики с решетками радиаторов, похожими

на клыки динозавров, готовых сожрать любого малыша, если он по глупости посмеет сделать хоть шаг по асфальту.

— Дорога,— сказал я дрожащим от страха голосом.

— Это особая дорога,— ответил Марти.— Смотри! Нет машин!

Он был прав — машин не было. Ни одной. Чтобы доказать свою правоту, брат выбежал на середину дороги и заплясал, размахивая руками и визжа как обезьянка, словно призывал машины приехать и сделать с ним все, что угодно.

Теперь я знаю: там не было машин, потому что дорогу еще не достроили. Это была часть нового шоссе, соединившего наш поселок с Дублином.

Марти показал на землю:

— Смотри! Вот линия!

Я глянул туда, куда указывал его палец. Там, прямо посередине дороги, проходила самая красивая на свете белая линия. Она была широкая, усеянная искорками, и я сразу же полюбил ее.

«Пройди по мне, Уилл,— говорила линия.— Шагай по мне вечно».

Мне показалось, что я и правда смогу идти по ней вечно, потому что линия выглядела бесконечной, теряясь вдаль.

— Иди по линии,— сказал Марти и потянул меня за левое ухо.

Я пытался сопротивляться. Из всех сил старался развернуться и убежать домой, но зов линии был слишком силен. Теперь я понимаю, что меня околдовали ее прямота и блеск.

Я вышел на середину безупречной новой дороги и поставил ногу в синем ботинке на линию. Ничего не случилось, и я поставил вторую ногу. Вперед, пятку к носку. Только так нужно ходить по линии.

Марти пришел в восторг.

— Вот видишь! А теперь иди. Иди и не останавливайся, пока не найдешь дом, где живут хорошие люди, собаки и канарейки. Оставайся с ними и ешь их огромных желейных пупсиков.

Я сделал один шаг, потом второй. Все мои маленькие мысли исчезли, за исключением одной: по этой линии я могу идти вечно. Да, это лучшая линия на свете, ее можно не только видеть, но и чувствовать. Она выступала из дороги, как толстая полоса пластилина. Я забыл про маму и папу, забыл братьев и железных пупсиков. В голове осталась только чудесная линия.

— Пока, Уилл! — крикнул Марти. — Надеюсь, ты найдешь себе хороший дом очень, очень далеко.

— Пока, Марти, — ответил я, прибавляя шаг по прекрасной линии.

«Получилось», — подумал Марти, скользнул под решетку и побежал домой. Он надеялся, что мама ничего не успела заметить. Когда Марти торопился, он бежал очень быстро, и

Ион КОМФЕР

сейчас решил засечь время от ограды до дома. Считать он умел плохо, поэтому отмерял время по песне «Маленький барабанщик». К задней двери он подбежал на строке «Я всего лишь бедный мальчик, па-рам-пам-пам».

А я весело шагал по линии. Я хорошо умел ходить по прямой, мои подошвы едва касались асфальта. Это было очень кстати, потому что свежий асфальт еще не совсем застыл, и когда мои ботинки отрывались от него, к ним прилипала смола, тянувшаяся за мной, как хвост из жевательной резинки. Но эти резиновые пути не мешали мне наслаждаться прогулкой по чудесной линии.

Я уходил все дальше и дальше от дома — пятка к носку, пятка к носку. Вскоре я дошел до плавного поворота. Это немного разочаровывало, ведь линия должна быть прямой. Но я решил простить линии ее несовершенство и продолжить путь. За поворотом она снова выпрямилась. Да, линия стала прямой, как стрела, когда дошла до оранжевых конусов дорожного ограждения, где новая дорога соединялась со старой. А там шумел поток машин.

ГЛАВА 6

УШИ В РУКЕ

Марти прокрался в дом и постарался изобразить спокойствие и невинность. Папа, когда отдыхал, растягивался на диване и читал газету, поэтому Марти тоже взял со стола местную газету и развернул ее над собой на диване. Газета была такой большой, что накрыла его, как еще одна самодельная палатка. Когда мама вернулась из кухни и увидела торчавшую из-под газеты голову Марти, она подумала, что сын играет в турпоход.

— Какая красивая палатка, Марти,— сказала она, пощекотав его под подбородком.

— Прости, мама,— ответил Марти,— я не могу разговаривать, читаю важные новости.

— Понятно,— с серьезным видом кивнула мама.— На этой неделе в городе произошло много важных событий.— Она постучала паль-

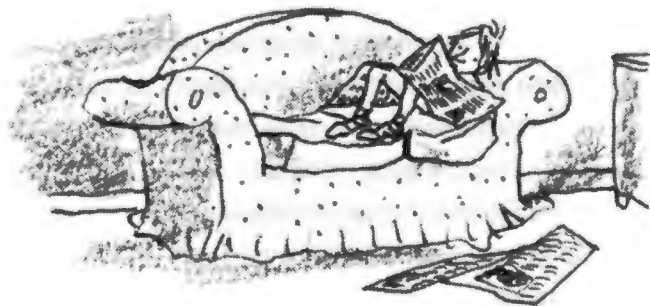
цем по статье на передней полосе. — Скоро откроют новую дорогу. Здесь будет шумно и опасно, когда мимо дома поедут все эти легковушки и грузовики. Нам нужно вести очень осторожно.

Марти не понравились слова об осторожности, ведь он только что вывел на новую дорогу младшего брата.

— Легковушки и грузовики? — с некоторым беспокойством переспросил он.

Когда Марти нервничал, он плохо произносил букву «р».

— Да. Дорога станет частью магистрали до Дублина, и по ней поедут все грузовики с паромов. Папа собирается поставить на калитку защелку с тугой пружиной, чтобы Уилл не мог выбраться и попасть под машину. Ты сам знаешь, иногда он ведет себя, как маленькая обезь-

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ
янка. Сейчас новую дорогу отделяют от старой только конусы дорожного ограждения. Детям нельзя и подходить к ней.

Марти стал бледнее, чем газетная бумага без текста.

— Марти, в чем дело? — спросила мама. Она мгновенно поняла по лицу сына, что он в чем-то провинился.

Марти ничего не ответил. Он не хотел врать и не хотел, чтобы его наказали. Вполне возможно, думал он, что Уилл уже нашел себе другой дом и другую семью.

— Марти! Что ты натворил?

Мама поискала меня в комнате. Если Марти что-то натворил, пострадавшей стороной должен быть я, так было всегда.

— Марти, где Уилл? Где твой младший брат?

Тут мама вспомнила, о чем только что говорила с Марти.

— О боже. Неужели ты вывел его на дорогу?

Марти ее проницательность показалась проявлением истинного волшебства. Тогда он еще не знал, что матери могут читать мысли своих детей, посмотрев на их лица.

— Да,— признался он и зарыдал.— Я не знал о гвузовиках! Прости меня.

Мама выбежала на кухню.

— Уилл на новой дороге,— сказала она бабушке.— Присмотри за мальчиками. И скажи Марти, чтобы не смел слезать с дивана. Я серьезно поговорю с ним, когда вернусь.

Марти с головой закрылся газетой. Ему было плохо, и он подозревал, что скоро станет еще хуже.

Я медленно подходил к оранжевым конусам дорожного ограждения. Честно говоря, мне надоело идти, а липкие путы затрудняли каждый шаг. Шум движения на старой дороге становился все громче, и я уже видел кружащиеся вихрями клубы пыли там, где с грохотом проносились грузовики. Конечно, тогда я не знал этих слов — «кружащиеся вихрями» и «клубы пыли». Скорее всего, я думал так: «Уилл устал. Уилл хочет к маме».

И тут, словно кто-то услышал мои жалобы, за спиной раздался мамин голос. Я обернулся и увидел, что мама, перепрыгнув через ограду, мчится ко мне. Она размахивала руками и кричала. Теперь-то я понимаю — она хотела, чтобы я остановился. Но в тот миг мне показалось, что мама решила побегать со мной наперегонки.

Мне всегда нравилось бегать наперегонки, поэтому я рванул к оранжевым конусам, не об-

ращая внимания на прилипавшие к смоле ботинки. Я решил, что финиш там, у заграждения.

Мама закричала громче — я побежал быстрее. Было очень весело.

— Весело! — лепетал я. — Уилл бежит! Мама не догонит.

Но мама знала, как меня догнать. Она когда-то была воспитательницей в детском саду и привыкла ловить сбежавших детей. Наклонив голову, она сделала рывок, намереваясь схватить меня прежде, чем я добегу до старой дороги, где грохотали машины.

В несколько длинных шагов она догнала меня. Буквально за секунду до того, как я добегал до конусов. Мама протянула руку, схватила меня за голубые кроличьи уши и подняла над землей.

— Слава богу! — задыхаясь, воскликнула она, крепко сжимая уши в кулаке. — Еле успела.

Переведя дыхание, мама заметила, что костюм кролика был странно легким. Это потому, что в нем не хватало меня. Я ковылял к конусам в подгузнике и ботинках. Когда мама схватила меня за уши и дернула, все кнопки на костюме расстегнулись, и я выскользнул через штанины.

— А-а-а-а! — закричала мама. — Нет, не может быть!

Но ей пришлось поверить, что все происходит на самом деле.

Я добежал до конусов и, не тормозя, выскочил на старую дорогу. Там я остановился, что-

бы победно попрыгать, не обращая внимания на проносившиеся справа и слева машины.

Мама в отчаянии сделала то, чего ни в коем случае не должна была делать. Она обманула меня. Ну, почти обманула.

— Посмотри, Уилл,— сказала она, показывая мне плотно сжатый кулак, словно что-то спрятала в ладони.— Кто у нас самый лучший мальчик на свете?

— Это я! Это я! — заверещал я и побежал, чтобы поскорее получить награду.

— Да, это ты,— согласилась мама, крепко обнимая меня.— А еще ты самый плохой мальчик на свете, потому что страшно напугал маму.

Она крепко прижала меня к себе, и я сразу позабыл о том, что не получил честно выигранного железного пупсика.

Мама не выпускала меня из объятий, пока мы не удалились от опасных машин и не вошли в садовую калитку.

Когда мы вернулись домой, все получили по заслугам.

Сначала папа.

— Ты обещал поставить защелку потуже! — закричала мама.

— Уже ставлю, уже ставлю,— ответил папа и вылетел из дома, прихватив ящик с инструментами.

На очереди был я.

— А ты о чем думал, когда пошел на дорогу? Это самое опасное место на свете. Даже двухлетние карапузы знают об этом!

— Мама, прости,— пробормотал я, но тут же вспомнил о заслуженной награде.— А железный пупсик?

Мамино лицо побагровело.

— Железный пупсик? У него хватает наглости говорить о железном пупсике! Скажи спасибо, если я не запрю тебя на год в манеже! А пока ступай и выброси свои ботинки в мусорный бак. Их уже не спасти.

Даже в том возрасте я понимал, что спорить по поводу желейного пупсика не стоит.

Марти по-прежнему лежал под газетой. Бумага шуршала, как листья на ветру, потому что он дрожал от страха.

— Вылезай из-под газеты, мистер Мартин Вудмен,— приказала мама. Когда мама сердилась, она всегда называла нас полными именами и «мистерами». — Это ты открыл калитку и выпустил Уилла на дорогу.

Марти сделал вид, что внимательно читает газету.

— Пвости, мама. Я читаю новости.

Мама сорвала с него газету.

— Забудь о новостях! Самое важное событие произойдет здесь и сейчас.

Марти понимал, что ему грозят самые ужасные наказания. Четырехлетних мальчиков редко наказывают. Как только у сына задрожат губы, родители все ему прощают. Нужно совершить по-настоящему скверный поступок, чтобы добиться наказания.

— Дрожащие губы тебе не помогут, — предупредила мама. — Я слишком сильно рассердилась.

Марти решил прибегнуть к древнему трюку. Он заговорил медленно и сосредоточенно:

— Я люблю тебя, мама. И папу, и Уилла. И младших братиков. Забыл, как их зовут, но их я тоже люблю.

На маму это не произвело впечатления.

— И я тебя люблю, Марти, но ты зашел слишком далеко. Ты совершил ужасный поступок и понесешь суровое наказание.

Я вернулся в комнату как раз в тот момент, когда мама объясняла, в чем будет заключаться наказание.

— В течение двух недель, каждый день после вечернего чая, ты будешь грести веслом в ванне.

Кто-то может подумать, что это не очень-то суровое наказание. По крайней мере, не настолько суровое, чтобы наказанный вдруг взвыл и заколотил пятками по диванным подушкам,

как это сделал Марти. Но на самом деле грести веслом в ванне — это очень тяжело. Дело вот в чем. В большинстве семей дети носят одноразовые подгузники, которые выбрасываются после использования. В нашей семье все было иначе. Мама и папа твердо решили внести свой вклад в защиту окружающей среды и использовали подгузники из ткани — многоразовые.

Поэтому приходилось ежедневно стирать подгузники троих младенцев. С таким количеством не справилась бы даже стиральная машина, и папа изобрел собственный метод стирки. Подгузники загружали в пластмассовую детскую ванночку, замачивали в горячей воде со стиральным порошком и перемешивали распиленным пополам веслом для каноэ. Метод

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ назывался «разгребать веслом подгузники». Сначала никого из детей не заставляли разгребать веслом подгузники, но с годами это стало весьма популярным и действенным наказанием. Популярным — для родителей, действенным — для детей.

Чем грязнее были подгузники, тем меньше удовольствия получал тот, кого отправляли их перемешивать. День на день не приходился, и степень загрязнения зависела от того, чем нас кормили. Овощи, например, были очень полезны для нашего здоровья и очень вредны для подгузников.

Марти бился в истерике на диване, а Донни и Берт наблюдали за ним из манежа. Их пухленькие младенческие лица сияли. Братья как будто понимали, что Марти наказан и они легко могут сделать это наказание еще более суровым — достаточно есть побольше овощей.

В течение двух недель мама ахала от изумления, глядя на то, как жадно ее сыновья поглощают морковь и горох за обедом. Нам все было мало. Нам троим, но только не Марти.

ГЛАВА 7

ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА ДЕРЕВЯННОЙ НОГИ

Эту историю я рассказал дедушке в следующую субботу, когда мы поднялись на маяк. Историю о том, как Марти бросил меня на новой дороге.

Рассказывать было приятно. После такой потрясающей истории дедушке придется признать поражение.

Когда я закончил, было ясно, что история произвела на дедушку сильное впечатление. На середине рассказа он перестал полировать линзы, а все остальное время стоял и слушал, открыв рот от изумления.

— Ты уверен, что это правда? — наконец спросил он.

— Да, папа так говорит.

— Тут слишком много подробностей, о которых твой отец не мог знать.

— Подробности я разузнал у мамы и бабушки. Даже Марти кое-что вспомнил.

Дедушка смочил тряпку жидкостью.

— Да, хорошая история, боцман. Тебя отправили одного на опасную дорогу. Детство у тебя было нелегкое.

Мой рот расплылся до ушей — до того я обрадовался, услышав эти слова. Оставалось надеяться, что к следующей субботе я найду еще одну драматическую историю.

— А Марти тот еще пакостник, — добавил дедушка.

Неожиданно для себя я встал на защиту брата.

— Он не плохой, дедушка. Просто он был глупым малышом, четырехлетней.

— Но он не слишком изменился с тех пор.

— Наверное, — согласился я.

Я вспомнил, что во вторник Марти обмотал теннисный мяч оловянной фольгой и убеждал меня, будто ему удалось найти бесценный лунный камень.

— На этот раз победил ты, боцман,— сказал дедушка.— У меня такой интересной истории нет.

— История про то, как тебя укусила за голову акула, очень интересная,— великодушно признал я.

Дедушка взъерошил мне волосы.

— Мне тоже так казалось, пока я не услышал твой рассказ.

Закончив полировку, мы спустились на шестнадцать ступенек вниз. Дедушка остановился на первой, самой высокой ступеньке, а потом присел на нее и похлопал по ней ладонью, предлагая мне устроиться рядом. Я так и сделал.

— Знаешь что, Уилл? Раз ты стал моим боцманом, и я должен рассказать тебе правду о винтовой лестнице Деревянной Ноги...

— Я ее уже слышал,— перебил я дедушку.— Ты рассказывал. Деревянной Ноге было трудно подниматься по высоким ступенькам, поэтому он стесывал их в течение многих лет, но умер, не закончив последнюю.

Дедушка подмигнул.

— Это официальная версия. Ее мы рассказываем туристам. Но только хранители маяков и боцманы знают, как было на самом деле. Думаю, пора и тебе узнать. Хочешь?

Я кивнул. Какой девятилетний мальчишка откажется узнать секретную историю?

Дедушка наклонился ко мне, чтобы никто не мог его подслушать.

— Правда заключается в том, что у Деревянной Ноги не было никаких проблем с лестницей. У него был специальный укороченный протез, чтобы легче преодолевать повороты.

— Тогда зачем ему понадобилось стесывать ступеньки? — шепотом спросил я.

— Он их не стесывал,— ответил дедушка.— Деревянной Ноге надоело выслушивать жалобы тестя на крутые ступеньки, и он надстроил первую.

— Зачем? — Я заговорил громче.

— Он собирался сказать тестю, что исключительно ради него стесал все ступеньки за исключением первой, до которой пока не дошли руки.

— И его тесть ничего не заметил?

— Нет,— хихикнул дедушка.— Первая ступенька такая высокая, что все остальные по сравнению с ней кажутся низкими. Тесть поблагодарил Деревянную Нogu и назвал его самым лучшим зятем на свете. Завещал ему тысячу фунтов и больше никогда не жаловался на ступеньки. И никто больше не жаловался на ступеньки, потому что они стали низкими по сравнению с первой.— Дедушка снова подмигнул мне.— Знаешь, здесь есть мораль. История про ступеньки чем-то похожа на наши субботние состязания.

— Что за мораль?

Дедушка встал.

— Ты должен понять сам.

Я нахмурился.

— Нет, дедушка, я не о том спрашиваю. Что такое мораль? Что я должен понять?

— Мораль,— пояснил дедушка,— это секретное сообщение внутри рассказа.

— Как шпионский шифр?

Дедушка шлепнул меня тряпкой.

— Нет, не шпионский шифр. Как бы вторая история, скрытая.

— Как невидимые чернила?

— Нет же, боцман! — Дедушка сделал вид, что хочет меня задушить. — Сама история рисует картину, кроме слов.

— Вроде иероглифов?

Дедушка сделал страшное лицо.

— Я уже сомневаюсь, что ты мой внук, настолько ты глуп. Все, сдаюсь. Спроси у мамы. Она — единственная учительница в нашей семье.

И я спросил у мамы, когда мы возвращались на машине домой.

— Мама, а что такое мораль истории?

— Берт, не ковыряй в носу. Донни, не поворачивай зеркало к себе. ПП, вытащи руку из носка брата, — сказала мама и добавила: — Мораль это урок, который преподает нам история.

— Например? — уточнил я. У мамы всегда находился пример.

— Например, вспомни басню «Заяц и черепаха». Мораль басни такова: иногда надо не спешить, а действовать медленно и осторожно.

Я задумался. Какая мораль заключается в истории о винтовой лестнице Деревянной Ноги? Дедушка сказал, что из-за высокой первой ступеньки все остальные стали выглядеть низкими. Какое отношение это имело к нашим субботним состязаниям? Мы просто рассказывали друг другу о наших проблемах, и дедушкины проблемы всегда оказывались серьезнее моих. До сегодняшнего дня.

И вдруг я понял, потому что всегда был сообразительным, что подтверждают оценки в моем дневнике и отзывы учителей.

Наши проблемы напоминали ступеньки лестницы Деревянной Ноги. И по сравнению с дедушкиными проблемами мои беды выглядели незначительными. Своими рассказами дедушка пытался успокоить меня, да так, что я об этом не догадывался. До сегодняшнего дня. А сегодня мне самому удалось успокоить дедушку.

Я улыбнулся, и мама заметила это в зеркале заднего вида.

— Уилл, у тебя очень довольный вид. Ты понял, что такое мораль?

— Да,— ответил я.— Теперь понял.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДА ОБ ОЧЕНЬ СТРАШНОЙ МИССИС МЕРФИ (Перевод А. Кузнецовой) 5

Глава 1. Урод Фрэнк	7
Глава 2. На ковре	17
Глава 3. Проверка	30
Глава 4. Хорошая книга	44
Глава 5. Шаг с ковра	52

ЛЕГЕНДА О ЗУБАХ КАПИТАНА КРОУ (Перевод Б. Жужунавы) 81

Глава 1. Детский лепет	83
Глава 2. Зубы Капитана Кроу	88
Глава 3. Джига для мальков	100
Глава 4. На скалах	127
Глава 5. Десять часов двадцать девять минут и сорок восемь секунд... ..	146

ЛЕГЕНДА О САМОМ ПЛОХОМ МАЛЬЧИКЕ НА СВЕТЕ (Перевод Б. Жужунавы) 153

Глава 1. Так не справедливо	155
Глава 2. Дедушка	162
Глава 3. Оловянная фольга	170
Глава 4. Желейный пупсик	176
Глава 5. Прыг под свитер	186
Глава 6. Уши в руке	201
Глава 7. Винтовая лестница Деревянной Ноги	214

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Йон Колфер

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

Ответственный редактор **А. Етоев**

Редактор **Н. Волкова**

Художественный редактор **А. Стариков**

Технический редактор **О. Шубик**

Компьютерная верстка **А. Скурихина**

Корректоры **Е. Ампелогова, В. Дроздова**

Иллюстрация на переплете **В. Коробейникова**

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательский дом «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 117. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Блокаменное ш., д. 1, а/я 5. Многоканальный тел. 411-50-74. E-mail: opton@eksmo-sale.ru

По вопросам приема для книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»: international@eksmo-sale.ru

Internet/Foreign: International wholesale customers should contact Department of Trading House «Ekmo» for their orders. international@eksmo-sale.ru

По вопросам приема для книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном офисе, звонить, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумагами-белыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Блокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kano@eksmo-sale.ru, сайт: www.kano-eksmo.ru

Подписано в печать 24.03.2010. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.

Тираж 7100 экз. Заказ № 2163.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-41603-5

9 785699 416035 >

**От создателя Артемиса Фаула!
Такого вы еще не читали!
Страшнее не придумаешь!
Смешнее тоже!**

**В три раза сильнее Кинг-Конга
и Геракла, вместе взятых!
Всем, вовремя прочитавшим
«Три легенды» Колфера, предлагаем
в качестве бонуса зловеший лязг зубов
страшного капитана Кроу
в вашем мобильном телефоне,
явление по ночам не менее страшной
миссис Мерфи на экране
вашего компьютера и порцию
красочных синяков от самого плохого
мальчика на свете! Спешите!
Количество бонусов ограничено!
На всех не хватит!
Не успеете сегодня, не успеете никогда!
И очень об этом пожалеете!**

ISBN 978-5-699-41603-5

9 785699 416035 >

ЭКСМО